
Л. Е. ГРИНИН

ГЕНЕЗИС ГОСУДАРСТВА КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ПРОЦЕССА ПЕРЕХОДА ОТ ПЕРВОБЫТНОСТИ К ЦИВИЛИЗАЦИИ*

СОДЕРЖАНИЕ **ранее опубликованных частей**

Часть 1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОЦИАЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ ПРИ ПЕРЕХОДЕ ОТ ПЕРВОБЫТНОСТИ К ЦИВИЛИЗАЦИИ.

Часть 2. ПОЛИТОГЕНЕЗ И ДРУГИЕ ЭВОЛЮЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ ПОСТПЕРВОБЫТНОСТИ.

Часть 3. СТЕЙТОГЕНЕЗ: РАННЕЕ ГОСУДАРСТВО И ДРУГИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ.

Раздел первый. ХАРАКТЕРИСТИКИ И ПРИЗНАКИ РАННЕГО ГОСУДАРСТВА.

Раздел второй. РАННЕЕ ГОСУДАРСТВО И ЕГО АНАЛОГИ. РАННЕЕ И СФОРМИРОВАВШЕЕСЯ ГОСУДАРСТВА.

Подраздел 1. КЛАССИФИКАЦИЯ АНАЛОГОВ РАННЕГО ГОСУДАРСТВА. ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ РАННИЕ ГОСУДАРСТВА.

Подраздел 2. РАННЕЕ, СЛОЖИВШЕЕСЯ И ЗРЕЛОЕ ГОСУДАРСТВА: НЕКОТОРЫЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ И СРАВНЕНИЯ. СИСТЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЙ (п. 1–6).

АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ РАННЕГО, СЛОЖИВШЕГОСЯ И ЗРЕЛОГО ГОСУДАРСТВ.

7. Общая характеристика раннего государства.

8. Некоторые примеры избыточных государств.

9. Некоторые итоги.

10. Сложившееся государство.

10.1. Сложившееся и раннее государства.

10.2. Некоторая хронология.

10.3. Аналоги сложившегося и зрелого государств.

10.4. Основные характеристики сложившегося государства.

10.4.1. Сложившееся государство как сословно-корпоративное государство.

10.4.2. Сложившееся государство как государство централизованное.

* Продолжение. Начало см.: Философия и общество. – 2001. – № 4; 2002. – № 2, 3; 2003. – № 2, 3; 2004. – № 1, 4; 2005. – № 4.

АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ РАННЕГО, СЛОЖИВШЕГОСЯ И ЗРЕЛОГО ГОСУДАРСТВ

10.4. Основные характеристики сложившегося государства

В предыдущей публикации мы начали рассматривать характеристики сложившегося государства. Стоит напомнить, что, согласно моим выводам, по сравнению с ранним государством сложившееся государство: а) имеет больше атрибутов государственности, которые к тому же более развиты; б) характеризуется более тесной подгонкой к социальным характеристикам общества; в) государство централизованное, более устойчивое и крепкое; г) в сложившемся государстве более высокая экономическая и хозяйственная база. Также в качестве важнейших характеристик сложившегося государства нами было установлено, что его надо рассматривать как *сословно-корпоративное государство; как государство централизованное; как организацию насилия*. Теперь мы продолжим рассмотрение важнейших характеристик сложившегося государства.

10.4.3. Наличие устойчивых неполитических связей внутри сложившихся государств

Как уже сказано, взаимная «подгонка» общества и государства является характерной чертой сложившихся государств. Правда, сама эта «подгонка» часто осуществляется довольно грубыми методами, путем весьма чувствительных и затратных для общества и отдельных его частей колебаний политики и законодательства. Тем не менее в результате этой притирки, необходимой для поддержания государственной жизни в условиях единства, помимо политических, военных и силовых креплений, в обществе формируются и прочные *неполитические* связи. Эти последние являются опорой государственной власти и не дают государству развалиться даже в условиях ослабления центральной власти или смут, поскольку население считает, что должно жить в определенном государстве и при определенной политической системе. **И чем более тесные неполитические связи существовали между территориями и среди населения, тем прочнее**

могло быть государство. Естественно, что власть поддерживает, хотя и в разной степени, эти ценные для нее отношения.

Я выделил и сформулировал наиболее важные из таких связей-креплений. Однако необходимо учитывать, что они часто являлись неразрывными. В частности, социальный, политический порядок был в тесной связи с религией, идеологией или самосознанием этноса.

1. Наличие материальных условий в виде единого экономического пространства и общих коммуникаций (дороги, почта, связь, единый рынок, денежная и кредитная системы).

2. Наличие этнической однородности или хотя бы господствующего этноса.

3. Наличие иных прочных этнокультурных связей в виде религии, государственного языка, системы образования и т. п.

4. Наличие определенной государственной идеологии и психологии, которая создает представление о необходимости единого государства для каждого человека.

5. Социальная консолидация общества в виде устоявшихся словий, слоев, групп и базирующегося на этом социального порядка.

6. Длительные исторические традиции совместного проживания и появление некоторого сходства и единства в отдельных моментах.

Далее свойства и характеристики некоторых из этих выделенных мной «креплений» показываются более подробно. Но следует учитывать, что в каждом обществе имелись не все из них. Ведь не все общества, например, имели этническую и культурную однородность. Кроме того, в каждом обществе могли быть свои особые варианты таких связей-креплений, при этом одни из них иногда делают излишними другие. Каждое общество имеет свои сильные и слабые стороны, неповторимую комбинацию социальных, идеологических и политических компонентов. Поэтому в каждом случае создается своя собственная конструкция, которая зависит от исторических, этнических и географических условий, равно как и от баланса сил внутри государства. Все это обеспечивает и неповторимость развития каждого государства.

10.4.4. Характеристика некоторых связей-креплений

Материальные условия

Эффективная централизация, которая, по моему мнению, является важнейшей характеристикой сложившегося государства, естественно, требует определенных материальных условий. К их числу относятся коммуникации, денежное обращение, развитая торговля, связь и т. д. Особое значение приобретают коммуникации и связь. Уже некоторые ранние государства стремились создать сеть дорог. Наиболее известным примером являются римляне и инки. Но пути сообщения создавались и в других обществах. Так, в Македонии в конце V – IV в. до н. э. во время правления царя Архелая проводится сеть дорог, соединяющих различные области страны¹. В империи Чингисхана была организована ямская служба², принципы которой были затем использованы и в России.

Но в ранних государствах такие примеры не столь часты. Зато, я убежден, почти в любом сложившемся государстве мы обнаружим ту или иную степень заботы о коммуникациях (в частности дорогах и транспортных каналах), торговле, монетном деле и т. п. Так, уже первый император Китая Цинь Шихуанди уделил большое внимание сооружению магистральных дорог, связывающих столицу с периферией (в частности, был проложен так называемый Прямой тракт длиной более 1400 км)³. И последующие императоры уделяли коммуникациям немало внимания. Например, в начале VII в. н. э. при императоре Ян-ди (династия Суй) для транспортировки налогового зерна с Юга на Север был вырыт огромный Великий канал, связавший две главные реки Китая – Янцзы и Хуанхэ. По некоторым данным, на обслуживании этого сооружения было занято до 80 тыс. чел.⁴ Особенно важной стороной деятельности знаменитого византийского императора VI в. Юстиниана, известного вообще широкомасштабным строительством, было строительство портов и укрепление прибрежных дамб, что способствовало развитию внутренней и внешней торговли. По всей стране строились гостиницы, восстанавливались мосты, акведуки, цистерны для

¹ Колобова, К. М., Глускина, Л. М. Очерки истории Древней Греции. – С. 306.

² Харан-Дава, Э. Чингис-хан как полководец и его наследие. – С. 115–117.

³ Крюков, М. В., и др. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. – С. 18.

⁴ Васильев, Л. С. История Востока. – Т. 1. – С. 360.

воды⁵. В России в XVI в. был создан Ямской приказ, ведавший ямской службой по всей стране. Петр I прорыл несколько важных каналов, облегчивших торговлю, организовал государственную почту⁶. В некоторых странах, например в Японии, активно развивался морской транспорт и соответственно порты и другая инфраструктура. Тем более активно развивалась морская инфраструктура в Европе, где хорошо расположенные причалы, передвижные подъемные краны, удобные склады, гибкая сфера услуг помогали быстро обрабатывать грузы⁷. Очень быстро растет грузоподъемность кораблей и их быстроходность, улучшается качество карт и навигационных приборов и т. п. Многие правительства сложившихся государств уделяют большое внимание морскому транспорту.

Но XVII век характерен и развитием сухопутных коммуникаций. В той же Японии это происходило, в том числе, и за счет возникновения соответствующих цехов и гильдий в городах⁸. В Европе с XVI в. появляется почта. Во Франции она была организована при Генрихе III (1574–1589), позднее Ришелье (1624–1642) издал специальный ордонанс, регулирующий ее деятельность. В Испании государственная почтовая служба была учреждена при Филиппе II (1556–1598)⁹. В XVI в. в Священной Римской империи, несмотря на ее рыхлость, благодаря Францу Таксису и его потомкам удалось создать общеимперскую почту, которая связала фактически всю Западную Европу¹⁰. Стоит также отметить (с XVI в.) картографирование сухопутных дорог в Европе, появление многочисленных путеводителей, облегчавших путешествие, а также новые типы экипажей, колеса которых имели металлические спицы¹¹. Шах Персии Аббас I (1587–1629) строил караван-сарай и прокладывал новые

⁵ Удальцова, З. В. Социально-экономическая и административная политика Юстиниана. – С. 232, 234.

⁶ См.: Хромов, П. А. Экономическая история СССР.

⁷ Чистозонов, А. Н. Развитие производительных сил в западноевропейских странах в XVI – первой половине XVII в. – С. 12–19.

⁸ Гальперин, А. Л. Эпоха позднего феодализма. – С. 32–33.

⁹ Ястребицкая А. Л. Материальная культура и образ жизни в Европе на исходе средневековья. – С. 26.

¹⁰ См.: Соучек, Л. Там, где не слышно голоса. – С. 162–170.

¹¹ Брагина, Л. М. Экономическое развитие стран Западной Европы в раннее Новое время. – С. 50. О развитии транспорта в Европе см. также: Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. – Т. 3. – С. 345–365.

дороги, в том числе широкую шоссеиную дорогу вдоль Каспийского побережья протяженностью 270 км, выложенную плитами¹².

В сложившихся государствах в XIX в. с модернизационной моделью развития, то есть которые активно заимствовали уже промышленные средства коммуникаций, строятся железные и шоссеиные дороги, современные порты и т. п. Ярким примером в этом плане является Египет XIX в. при Мухаммеде Али и особенно его наследниках (1807–1879 гг.)¹³. В 1851 г. здесь начали строить первую не только в Египте, но и на всем Востоке железную дорогу¹⁴,

а к 1875 г. протяженность железных дорог достигла уже 1800 км (для восточной страны того времени весьма неплохо, особенно с учетом расположения основной территории Египта в сравнительно узкой долине Нила), а общая протяженность телеграфных линий – 6450 км¹⁵. Строились даже телефонные линии¹⁶. Много внимания уделялось и модернизации портов в Египте¹⁷, внешняя торговля которого росла стремительно¹⁸. Нельзя не упомянуть и строительство Суэцкого канала, в сооружении которого египетское правительство принимало активное участие¹⁹. К слову сказать, именно эти амбициозные планы строительства канала и модернизации в целом явились одной из причин финансового банкротства Египта, которое привело к его оккупации Англией²⁰.

¹² Петрушевский, И. П. Сефевидское государство (XVI в.). Укрепление государства Сефевидов. Иран в конце XVII – первой половине XVIII в. – С. 184.

¹³ Подробнее см.: Гринин, Л. Е. Трансформация государственной системы Египта в XIX – начале XX в.: от развитого государства к зрелому.

¹⁴ аль-Барави, Р., Улейш, М. Х. Экономическое развитие Египта в Новое время. – С. 102.

¹⁵ Кошелев, В. С. Реформы 1850–1870-х годов в Египте. – С. 373. См. также: Иванов, Н. А. Египет. – С. 54; Белоусова, К. А. Египет. – С. 143.

¹⁶ аль-Барави, Р., Улейш, М. Х. Указ. соч. – С. 102.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Кошелев, В. С. Указ. соч. – С. 372.

¹⁹ al-Saayid Marsot, A. L. A Short History of Modern Egypt; Иванов, Н. А. Египет. – С. 43–55, 226–238.

²⁰ Поскольку в предыдущих параграфах ни о Турецкой империи, ни о современном Египте не упоминалось, необходимы пояснения. Вступление Турции в стадию сложившегося государства можно датировать XVI веком. Думается, этот переход уже, бесспорно, состоялся при Сулеймане I Кануни, то есть Законодателе, прозванном европейцами Великолепным (1520–1566). Египет же был одной из самых развитых частей Османской империи (см.: Ацамба, Ф. М., Смилянская, И. М. Египет в процессе формирования самостоятельной государственности. – С. 76; Белоусова, К. А. Указ. соч. – С. 135). Поэтому, естественно, можно считать, что он также в XVI–XVIII вв. в целом находился на уровне сложившегося государства.

Как уже сказано, в сложившемся государстве обычно намечается хозяйственная специализация (пусть еще и слабая) районов, то есть в стране начинает формироваться единый хозяйственный организм. Например, в России во второй половине XVII века стал формироваться «всероссийский рынок»²¹, а в Китае «к XVI в. определилась производственная специализация отдельных городов, районов и областей»²². В Японии XVII в. также четко определилась специализация районов по отдельным, в частности, техническим культурам: индиго, хлопок, лен, сахарный тростник и др. – каждая в особых провинциях²³. Существовало районное разделение труда и в производстве ремесленно-промышленных товаров: различных тканей, изделий из металла и лака, бумаги, керамики, фарфора и т. д. А в Осаке были не только главный рынок, но и рисовая биржа, производящая скупку риса и дающая кредиты под будущие урожаи²⁴. В Англии уже к XVI в. образовался единый национальный рынок, который активно развивался в течение всего этого столетия²⁵. Даже в Османской империи (которая не смогла создать единого рынка, в том числе, и из-за экономической экспансии европейских стран в Турцию)

в первой половине XIX в. стала намечаться специализация районов в производстве сельскохозяйственной продукции, особенно зерновых²⁶. Рост внутренней специализации и торговли во Франции и в других европейских странах способствовал тому, что «буржуазия начинала превращаться в класс в национальных границах объединенного государства»²⁷.

Но прогресс государственности в Турции застыл (см., например: Петросян, Ю. А. – С. 58), и к моменту окончательного воцарения Мухаммеда Али в Египте (1807 г.) она не смогла достичь уровня типичного сложившегося государства, когда, собственно, и раскрываются основные характеристики этой стадии. Зато Египет при этом правителе достиг именно уровня типичного сложившегося государства, опередив Турцию.

²¹ Преображенский, А. А. Социально-экономическое развитие Русского государства (40-е годы – конец XVII в.). – С. 25–28; Хромов, П. А. Указ. соч. – С. 148–152.

²² Симоновская, Л. В., Лапина, З. Г. Китай в позднее средневековье. – С. 119.

²³ Гальперин, А. Л. Эпоха позднего феодализма. – С. 27.

²⁴ Кузнецов, Ю. Д., и др. История Японии. – С. 115.

²⁵ Винокуров, М. В. Англия. – С. 48; Лавровский, В. М., Барг, М. А. Английская буржуазная революция XVII века. – С. 72.

²⁶ Шеремет, В. И. Османская империя и Западная Европа. Вторая треть XIX в. – С. 20.

²⁷ Сказкин, С. Д. Франция первой половины XVI века. – С. 160.

Формирование единого этноса на базе этнической близости, ассимиляции, перемешивания и других процессов

«Древнейшему миру абсолютно чуждо понятие нации (постепенное формирование наций начинается только в средневековье)», – справедливо указывает Никифоров²⁸. Мало того, даже устойчивые, крепкие, с ясным этническим самосознанием народности в эти эпохи были не столь уж распространены. На мой взгляд, это дополнительно объясняет, почему в древнем мире было мало сложившихся государств, для появления и развития которых требуется определенный, достаточно высокий уровень этнической развитости населения, то есть наличие по крайней мере в их основной, центральной части этнически сложившихся крупных народностей, а не племенного конгломерата или массы мелких родственных народов.

Как уже указывалось, среди сложившихся государств были и многоэтничные (Римская и Византийская империи, в Европе – Австрийская империя). Тем не менее для формирования и особенно дальнейшей эволюции сложившегося государства наличие на его территории этнической близости населяющих государство народов или господствующего численно (и культурно) этноса весьма желательно. Это объясняется тем, что именно такой тип сложившихся государств оказывался наиболее способным к развитию и – при условии появления соответствующего материального базиса – трансформации в зрелое государство. Даже Русское государство длительное время выступает именно таким, то есть с абсолютно преобладающим великорусским ядром, а острые национальные проблемы в России появляются уже позже, в период зрелого государства²⁹.

Население сложившегося государства часто имеет с ним не только политическую, но и крепкую *неполитическую* связь³⁰. Иными словами, областям и народам в сформировавшемся государстве

²⁸ Никифоров, В. Н. Форма и сущность развития в древнем обществе: специфика отдельных цивилизаций. – С. 20.

²⁹ Однако принцип «один народ – одно государство», естественно, не действует в каждом обществе. На базе одного этноса под влиянием разных причин может сложиться несколько сложившихся государств, как это, например, было в XVII–XVIII вв. в Германии.

³⁰ Точнее говоря, основная (базовая) часть этой территории, поскольку всегда есть спорные, пограничные, случайно прихваченные и т. п. территории.

(особенно на втором-третьем этапах его развития) вовсе не все равно, какие у них правители, в какое государство они входят³¹. Этническая консолидация, как показало историческое развитие, оказывается особенно важной для прочности государства. Именно наличие такого прочного этноса, я думаю, и становится рубежом, за которым любой распад является обратимым, то есть за ним раньше или позже вновь начинается движение за возрождение единого государства примерно в тех же границах. В то же время распад лоскутной империи (вроде империи Тимура в Средней Азии в XIV – начале XV в.) не ведет к ее возрождению в будущем.

Древний Египет представляет пример государства, которое исторически устойчиво развивается на базе этнической и культурной однородности. Это давало обществу силы для нового объединения после распадов. Однако в Египте, несмотря на многие изменения в этнических и культурных характеристиках, не возникла народность нового типа (то есть с более высокой степенью этнического самосознания). Поэтому, несмотря на столь древнюю историю, египетский народ в средние века подвергся арабизации, хотя она и растянулась на несколько веков³².

Иным и весьма распространенным случаем было объединение множества государств, возникших на базе этнически близких и/или ассимилированных групп населения. Часто это политии, образовавшиеся на базе децентрализации прежде единого государства. Но иной раз в рамках этих соперничающих государств формируется единый и, по сути, уже иной этнос, причем это может происходить со сменой (трансформацией) языка. В частности, в Китае эпоха еди-

³¹ Как отмечал, например, В. О. Ключевский, русский народ XVI в. знал, что он принадлежит царству великих князей и царей дома из династии Калиты, и только этим властителям. Именно поэтому так тяжело проходил династический кризис в России в Смутное время. Стоит отметить, что начало сложившегося государства в этнически достаточно однородном обществе нередко связано с подъемом патриотизма. В качестве примеров можно вспомнить Францию в начале XV в. во время Столетней войны, с ее Орлеанской девой Жанной Д'Арк, которая считала, что ради Франции нужно во что бы то ни стало короновать *французского* короля в древней резиденции французских королей. На память приходит и знаменитый Иван Сусанин, который считал, что для России важнее всего *русский* царь. Это и подъем национализма в Нидерландах. Это и национальная по духу борьба Англии с Испанией в XVI в., когда королева Елизавета I считала, что пират, каким был, скажем, адмирал Дрейк, но свой, английский, лучше, чем дворянин, но испанский.

³² В частности, еще в XI в. в Египте большинство населения говорило по-коптски и исповедовало христианство, и окончательно исламизация и арабизация произошла уже при мамлюках в XIII–XV вв. (Ланда, Р. Г. История арабских стран. – С. 37, 41, 62).

ных раннегосударственных образований (Инь-Шань и Чжоу) в первые века I тыс. до н. э. сменилась эпохой так называемых Воюющих царств, то есть периодом раздробленности, который продолжался сотни лет (до III в. до н. э.). Но именно в это время формировалась и консолидировалась этническая общность древних китайцев³³. Далее, как известно, эти государства были объединены государством Цинь в единую империю (в конце III в. до н. э.), что ознаменовало начало новой эпохи в Китае. После этого Китай распадался еще несколько раз, но каждый раз он раньше или позже вновь демонстрировал стремление к единству. Несомненно, что наличие единой этнической основы, как и единой культуры, в огромной степени способствовало как первому, так и последующим объединениям³⁴.

Крепкая этническая связь сыграла большую роль и в объединении Японии, которая в течение Нового времени оставалась единой, несмотря на неполную централизацию. Ряд европейских государств: Испания, Франция, Англия и др. – и Россия сформировались как сложившиеся государства в результате больших этнических изменений, которые привели к формированию новых народностей на этих территориях. Опора на эти этнические связи наряду с другими процессами (например союзом монархии с городами и дворянством) позволила им централизоваться и преодолеть распадные процессы в кризисные периоды.

Однако и влияние сложившегося государства на этнические процессы в обществе, которые без такого воздействия идут не столь интенсивно и в результате могут оказаться незавершенными, в свою очередь, очень велико. Ведь не случайно, скажем, в Центральной Европе, где не сложилось мононациональных государств (точнее, государств с численно ведущим этносом), этнические процессы шли существенно иначе, чем в Европе Западной³⁵. Поэтому, важно подчеркнуть, только в рамках единого централизованного государства и может по-настоящему сложиться крепкая народность,

³³ Крюков, М. В., Переломов, Л. С., и др. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. – С. 16.

³⁴ Крюков, М. В., Малявин, В. В., Софронов, М. В. Китайский этнос на пороге средних веков; Крюков, М. В., Малявин, В. В., Софронов, М. В. Китайский этнос в средние века (VII–XIII); Крюков, М. В., Малявин, В. В., Софронов, М. В. Этническая история китайцев на рубеже средневековья и Нового времени. Подобный процесс наблюдался и в России, где в XV в. формируется великоросская народность.

³⁵ См., например: Фрейдзон, В. И. Нация до национального государства. – С. 10–12.

способная впоследствии (при благоприятных условиях) трансформироваться в нацию.

Единые для данного государства религия, государственный язык, культура

Очевидно, что этническая близость не является единственной формой неполитических креплений в сложившихся государствах. В полиэтнических государствах, я считаю, ее могут заменять такие важные элементы культурной коммуникации, как единая религия, официальный государственный язык, а также система образования, особенно если она начинает приобретать общегосударственный характер.

В императорском Риме по всей огромной империи длительное время насаждался религиозный культ божественных императоров. Когда же стало очевидно, что население более не хочет принимать его, римская власть в лице Константина стала активно навязывать новую религию – христианство, – которая использовалась для догматического оправдания социальных порядков и теократической власти императора³⁶. Христианство не спасло Рим от коллапса, но в иных многоэтнических обществах единая религия может выполнять роль скрепляющего раствора. В Византии, например, православная религия, по сути, заменяла национальность³⁷. Комплектование высшего управления принципиально не зависело от национальности чиновников, но требовало принадлежности к православию.

Уже в некоторых ранних государствах (например в арабских халифатах) общегосударственная религия была важнейшим источником формирования представления о культурно-идеологическом единстве их населения. В сложившихся государствах значение единой религии возрастает. Власть тут, как правило, в большей или меньшей степени начинает контролировать религию с точки зрения пользы для государства и его устойчивости и часто пытается ее реформировать. Однако иной раз государство само становится заложником идеологии, так как не желает терпеть никакого вообще инакомыслия. Для ранних государств это вообще нетипично, поскольку обычно центральная власть терпимо относится к тому, что у каждо-

³⁶ Штаерман, Е. М. Античное общество. Модернизация истории и исторические аналогии. – С. 307.

³⁷ Диль, Ж. Основные проблемы Византийской истории. – С. 57; Литаврин, Г. Г. Как жили византийцы. – С. 61, 73.

го народа своя религия. В сложившемся же государстве распространение ересей и чужеродных религий могло стоить единства государства³⁸. «Религия повсеместно рассматривалась как основа правильно организованного общества, и сохранение религиозного единства виделось очень важным для выживания государства»³⁹.

Ярчайшим примером активной религиозной политики являются Испания и Португалия, где католицизм стал опорой режима, а святая инквизиция – средством контроля над населением. Знаменитый Торквемада за 9 лет послал на костер 8 тыс. человек⁴⁰. Как известно, в Испании после образования там единого государства стали подвергаться гонениям и преследованиям евреи и особенно так называемые мориски (мавры)⁴¹, которые в конце концов после ряда акций геноцида в начале XVII в. были выселены из страны. В частности, было выселено и ограблено, по разным данным, от 300 до 500 тыс. морисков, причем до 100 тыс. их погибло во время этих бедствий. Оставшиеся переселились в Северную Африку и в Марокко образовали олигархическую республику⁴². Все это нанесло большой урон хозяйству Испании. Даже внешнюю политику Испания в XVI в. строила на основах поддержки приверженцев католицизма в разных странах (например, поддерживая тех или иных кандидатов на английский престол).

В многонациональной Австрийской империи поддержка католицизма и борьба с протестантизмом надолго стала государственной политикой. Габсбурги щедро одаривали католическую церковь

³⁸ Еще император Юстиниан строил свою политику на трех китах: единое государство, единый закон, единая православная церковь. Правда, его религиозная политика, попытки примирить разные религиозные течения окончились неудачей и ослабили страну (Удальцова, З. В. Церковная политика Юстиниана. Народно-еретические движения в империи. – С. 267, 281).

³⁹ Elliott, J. N. *Europe Divided 1559–1598*. – P. 93. Но даже там, где была относительная веротерпимость, как в Китае и некоторых других государствах Восточной Азии, отношение к религии и различным верованиям определялось тем, что государство стремилось их использовать и контролировать в интересах поддержания общественного порядка (см.: Мартынов, А. С. Буддизм и общество в странах Центральной и Восточной Азии. – С. 7). А следовательно, время от времени могли начаться гонения, притеснения или, наоборот, поощрения в зависимости от того, что представлялось важным в тот момент для государственных интересов.

⁴⁰ Колесницкий, Н. Ф. Пиренейские государства в VIII–XV вв. – С. 277.

⁴¹ Так называли арабо-берберское население, оставшееся в Испании, особенно на территории Гранады, и в конце XV – начале XVI в. насильственно обращенное в христианство, но тайно в большинстве своем оставшееся мусульманами. Среди них было много искусных ремесленников, купцов и образованных людей.

⁴² Колесницкий, Н. Ф. Указ. соч. – С. 277–278, 436, 442; Иванов, Н. А. Мориски. – С. 693–694; Литаврина, Э. Э. Испания в XVI – первой половине XVII в. – С. 131; Ланда, Р. Г. Указ. соч. – С. 60–61.

конфискованным у протестантов имуществом. Широко проводилась пропаганда католицизма, включая издание массовой литературы. Еще в начале XVIII в. протестант в Австрии считался государственным преступником, подлежащим депортации. В стране царил режим, напоминавший инквизицию, с уничтожением запрещенных книг, охотой на ведьм и колдуний⁴³. Периодами в Китае начинались гонения против таких иностранных религий, как несторианство и зороастризм⁴⁴. В Японии, как известно, в XVII в. шли преследования христиан⁴⁵. На протяжении всей истории Сасанидского Ирана, где официальной религией был зороастризм, шла борьба с религиозным инакомыслием. Сначала боролись с манихейством (III в. н. э.), позже (IV–V вв. н. э.) с христианами, хотя, когда христиане подвергались гонениям в Риме, Иран охотно давал им убежище. Затем в V и последующих веках шла борьба с маздакитами⁴⁶.

Естественно, что такая религиозно-идеологическая активность, направленная на укрепление государства, может при чрезмерном усердии вести к провалам в политике, кризисам, ослаблению государства. Испании, например, это стоило потери Нидерландов в конце XVI в. В той же Австрии беспощадная антипротестантская деятельность в Венгрии и попытки ее германизации едва не привели к потере последней. В конце концов Габсбурги вынуждены были признать значительную автономию Венгрии и свободу там протестантской религии⁴⁷. В Индии могольский император Аурангзеб уничтожал индуистские храмы, заново ввел подушную подать на немусульман, отстранял индусов от государственных должностей – словом, столь энергично преследовал индусов и даже мусульман-шиитов, что существенно ослабил социальную базу империи⁴⁸.

⁴³ Исламов, Т. М. Многонациональная монархия Габсбургов. – С. 133; Мьльников, А. С. Под властью Габсбургов. – С. 124–132.

⁴⁴ Крюков, М. В., и др. Китайский этнос в средние века (VII–XIII). – С. 184.

⁴⁵ Кузнецов, Ю. Д., и др. История Японии. – С. 108–109. Даже в столь демократическом государстве, как США, при его возникновении первоначальные конституции штатов требовали от претендентов на государственные должности верности протестантизму, и в некоторых штатах ограничения политических прав по религиозным мотивам продержались до 30-х годов XIX в.

⁴⁶ Грантовский, Э. А. Возникновение и развитие феодальных отношений в Иране. Держава Сасанидов и ее социальная структура. – С. 98–102.

⁴⁷ Исламов, Т. М. Многонациональная монархия Габсбургов. – С. 136.

⁴⁸ Неру, Дж. Взгляд на всемирную историю. – Т. 2. – С. 71; Васильев, Л. С. История Востока: в 2 т. – Т. 1. – С. 331–332.

Роль языка как важнейшего канала культурной коммуникации, как способа передачи информации по государственным каналам трудно переоценить. Несмотря на то, что в это время большинство населения еще обычно оставалось неграмотным и существовали различные языковые диалекты, однако чаще всего в сложившихся государствах уже формируется общенациональный письменный язык. Не случайно в Германии и ряде других стран процесс Реформации и период образования сложившегося государства совпал с переходом на богослужение на родном национальном языке, недаром столь важным был сам перевод священных книг на национальные языки⁴⁹. В Новое время с изобретением книгопечатания все это резко усилилось. Общий письменный язык становится и основой новой системы образования во многих странах.

Но роль единого языка едва ли не заметнее для многонациональных государств. В частности, в Византии греческий язык как единый государственный вместе с православной религией способствовал процессу ассимиляции населения⁵⁰. В императорском Риме (в Западной Римской империи) во многих провинциях благодаря латинскому языку, культуре и прочему произошла ассимиляция, принятие римских обычаев, культуры, права.

Менее известный, но весьма характерный пример являет Сасанидский Иран III–VII вв. н. э. Первоначально существовали, хотя и не слишком резкие, различия между отдельными иранскими языками (мидийским, персидским, парфянским и др.). Ни Ахеменидская, ни Парфянская державы не смогли устранить эти языковые и культурные различия. Зато на протяжении эпохи Сасанидов шел процесс языковой консолидации иранских этносов, проявившийся в распространении персидского наречия (парсик), которое стало государственным языком и получило название *дарн*. Оно вытеснило значительную часть местных говоров, а также греческий и арамейский языки, использовавшиеся прежде в администрации и сфере культуры. В Сасанидском Иране, где роль официальной религии

⁴⁹ См., например: Возгрин, В. Е. Генезис датского абсолютизма. – С. 150; Порозовская, Б. Д. Мартин Лютер. – С. 57–166.

⁵⁰ Диль, Ж. Основные проблемы Византийской истории. – С. 57.

выполнял зороастризм, был кодифицирован комплекс священных зороастрийских текстов – *Авеста*⁵¹.

10.4.5. Идеология как неполитическое крепление

Потребность в государственной идеологии и символе единства страны

В ходе разработки концепции эволюции государства я пришел к важному выводу о том, что и сам переход к сложившемуся государству, и его дальнейший прогресс, так или иначе, связаны с большими переменами в идеологии. Даже если в обществе имеется единая для него религия, этого становится уже недостаточно. Чтобы обрести устойчивость, сложившемуся государству требуются более прочные идеологические обоснования. Поэтому в нем возникает заново или приобретает новое значение то, что можно определить как **политическую идеологию**. Пример высокоразвитой социально-политической идеологии являет конфуцианство, которое развивалось на протяжении столетий. Эта идеология с ее опорой на нерушимость традиции, установками на подчинение старшему, соблюдением моральных норм и принципов, осуждением деспотизма, поощрением учености была именно тем стержнем, который позволял китайской государственности выживать, ассимилировать варваров, держать единую страну вместе⁵².

Но, разумеется, я говорю об идеологии в широком смысле, поскольку далеко не всегда она была достаточно развита и оформлена. Вариативность такой политической идеологии, естественно, очень велика, поскольку велико разнообразие самих государств. Однако эта идеология, развивает ли она старые идеи или привносит новые, обычно имеет религиозную основу или, по крайней мере, религиозную оболочку⁵³, которая играет очень важную роль. Но хотя форма и степень разработанности этой идеологии, равно как и связь ее с религией, может быть разной, так или иначе она должна

⁵¹ Луконин, В. Г. Древний и раннесредневековый Иран; Новосельцев, А. П. Государство Сасанидов. – С. 24, 31; см. также: Фрай, Р. Наследие Ирана.

⁵² Некоторые конфуцианские труды представляют собой развитую политическую концепцию, например трактат Ли Гоу «Политика обогащения государства, усиления армии, успокоения народа» (см.: Лапина, З. Г. Функционирование механизма традиции и проблема идеалов в политической мысли средневековья (на материалах трактата Ли Гоу, 1039 г.). – С. 88–110).

⁵³ Только в Китае идеология (конфуцианство) выступает в более чистом по сравнению с религией виде, хотя и имеет многие сходства с ней (см.: Васильев, Л. С. История религий Востока. – С. 281–282). Кроме того, не довольствуясь конфуцианством, многие императоры, так или иначе, обращались за помощью к таким религиям, как буддизм и даосизм.

содержать комплекс представлений, которые трактуют государство (и его монарха или иной высший орган) как источник величия, благородства и святости, основу жизни народа и общества. С этим также увязываются представления о высшем государственном порядке, о социальной справедливости, о связи религиозных и политических вопросов и т. п. И все это начинает формироваться в некую систему⁵⁴. Государственная концепция в России «Москва – третий Рим», возникшая в первой половине XVI в. и затем всячески пропагандируемая властью, на мой взгляд, хороший пример такой идеологии⁵⁵. В период принципата и особенно домината в Риме культ императора навязывался государством населению. Такой культ тем более следует рассматривать в качестве политической идеологии, потому что для имевшего большие демократические традиции Рима идея императора требовала перестройки общественного сознания. Имперская миродержавная идеология и прославление императорской власти – характернейшие черты общественной жизни Византии, по мнению З. В. Удальцовой⁵⁶. Она также считает, что именно эти черты отличали Византию от стран Западной Европы. Но стоит подчеркнуть, что такое отличие существовало только до той поры, пока в Европе не создались сложившиеся государства, в которых прославление императора в некоторых отношениях затмило византийскую практику. Таким образом, во многих сложившихся государствах, как это было, по мысли А. С. Мартынова⁵⁷, в Китае и других странах Восточной Азии, государство становилось сакральным само по себе.

Это нередко требует союза государства с официальной церковью. Например, в отношении Франции и некоторых других евро-

⁵⁴ В государственную идеологию также входят составной частью представления о монаршем дворе, придворном этикете и взаимоотношениях с посольствами и монархами других государств. Такие государства, как Китай, Византия, Сасанидский Иран, а в Новое время европейские монархии и Россия, уделяли этому большое внимание.

⁵⁵ Напомню, что основные идеи этой концепции в том, что Рим и Константинополь (второй Рим) погибли, потому что отошли от канонов истинной религии. Москва стала третьим Римом, будет стоять вечно, так как четвертому Риму – не бывать. Русские цари – прямые наследники римских и византийских кесарей. Русские цари – самые правоверные христианские государи, поддержка и опора святой и единственно верной православной веры; царская власть – от бога, царь, когда он стоит у власти, подобен Богу, церковь обязана ему подчиняться (см.: Пайпс, Р. Россия при старом режиме. – С. 306–307).

⁵⁶ Удальцова, З. В. Византийская культура. – С. 23.

⁵⁷ Мартынов, А. С. Буддизм и общество в странах Центральной и Восточной Азии. – С. 6–7.

пейских государств Ле Руа Ладюри⁵⁸ пишет: «Тенденции к религиозной монополии... остаются устойчивыми: они опираются на апофеизм XVI века – “единый закон, единая вера, единый король”... Правильно понятый или кажущийся понятым интерес государя вынуждает его отстаивать определенное единообразие веры среди королевских подданных. ...Государство устанавливает в этих целях религиозное единообразие. Оно заключает пакт социального характера во всех смыслах этого слова с официальной Церковью». В этом случае, как мы видели выше, может усиливаться и борьба с диссидентами и инакомыслящими (приверженцами старой или, наоборот, привнесенной извне религии).

Но иной раз, напротив, необходимость в усилении центральной власти требует ослабления традиционной церкви (как было в Византии во время кампаний так называемого иконоборчества, в Китае в периоды борьбы с буддизмом и даосизмом и т. п., во время Реформации в Северо-Западной Европе). В других случаях требуется создание новой религии или нового культа (Эхнатон в Египте, Акбар в Индии) и т. п. В этих случаях идет религиозное или идеологическое реформаторство, о котором будет сказано дальше.

Однако – считаю важным это подчеркнуть – какой бы вариант ни утвердился, **сложившееся государство нуждается в какой-то государственной идеологии** (или по крайней мере общей национальной и государственной идее), вокруг которой возникают конкурирующие идеологии⁵⁹. От того, насколько удачно она интегрируется в духовную жизнь общества, насколько будет естественной для него, зависит очень многое, в первую очередь, долговечность и крепость государства, способность его противостоять кризисам. Наличие общей идеологии и того или иного сословия (слоя, корпорации и т. п.), которые могут быть хранителями и проводниками такой идеологии, резко повышает устойчивость государства. Интересным примером являются шэньши в Китае, о которых выше уже

⁵⁸ Ле Руа Ладюри, Э. История Франции. Королевская Франция. От Людовика XI до Генриха IV. – С. 8.

⁵⁹ Особенно это наглядно в периоды общественного выбора дальнейшего пути. Такова была Англия начала XVII в. Еще одним примером является Египет второй половины XIX в., который находился под фактическим протекторатом Англии, а формально состоял частью Турции. Общая идея заключалась в обретении Египтом большей независимости. Но существовали идеологии как арабского религиозного традиционализма, так и западной ориентации.

шла речь. Привилегированным сословием они стали в VII–X вв., когда экзаменационная система стала играть решающую роль в комплектовании государственного аппарата⁶⁰. Низших шэньши насчитывалось сотни тысяч человек. «В Китае, где традиционной религией большинства была смесь буддизма, конфуцианства и даосизма, а роль официальной идеологии принадлежала конфуцианству, шэньши выступали в роли носителей конфуцианской морали, хранителей ортодоксии, знатоков классических книг»⁶¹.

Но чаще такую роль выполняли священнослужители, тем более если церковь представляла собой слаженную корпорацию.

Политическая идеология, как мне кажется, требует некоего символа единства общества и государства. В качестве символа единства особенно важна была высшая власть императора (короля, царя, султана), которая составляет реальный политический и идеологический символ и центр системы. Для некоторых многонациональных государств вроде Австрийской империи это иногда едва ли не единственный символ. Едва ли не большее значение имеет монарх в империях и многоэтничных, и многоконфессиональных, каким было Османское государство. То, что султан (Селим I) отобрал титул халифа, «наместника аллаха» у побежденного египетского халифа, став хотя бы по званию главой всех мусульман, было важной частью его власти, существенно укрепляло государство⁶², в котором – при всей его лоскутности – мусульмане все же составляли большинство.

Особую роль играл император и в тех странах, где традиции монархической власти сложились не сразу, например в императорском Риме и даже в Византии.

Почти повсеместно авторитет короля, царя или императора был главной цементирующей силой государственности и не раз обеспечивал выживание государственной идеи в те моменты, когда ее конкретные исполнители терпели банкротство, как сформулировал эти ситуации для Китая В. В. Малявин⁶³. Но, конечно, на одной идее императора (особенно при слабых династиях) государство

⁶⁰ Никифоров, В. Н. Восток и всемирная история. – С. 210.

⁶¹ Там же. – С. 211.

⁶² Петросян, Ю. А. Османская империя. Могущество и гибель: Исторические очерки. – С. 58–69, 72.

⁶³ Малявин, В. В. Гибель древней империи. – С. 13.

долго не могло выстоять, ярким примером чего являлась Османская империя, которая начала разваливаться в XVIII в. Поэтому требовались и иныекрепления, например, убеждение в том, что данный этнос может существовать только в одном, совершенно уникальном, центральном в мире государстве (такова была идея Поднебесной империи в Китае); только под единственно возможной династией и при определенной истинной религии, как это было, скажем, в России, и т. д.

Роль символа единства страны часто выполняли столицы и монарший двор, так как там было представлено все высшее общество, а не только придворные и родня монарха. В этом плане собрание знати вокруг двора имело важное политическое значение.

Естественно, что там, где возникают демократические идеи, символом государства становится орган народного представительства (как это было с английским парламентом), но это (до XIX в.) более редкий случай.

И. М. Дьяконов отмечает, что для древних обществ характерна была идеология ритуально-магического типа, не требующая догматической исключительности, а для средневековых обществ – религиозная идеология ритуально-этического типа, не допускающая отклонений от догмы⁶⁴. В этом есть немалая доля истины. Продолжая этот ряд, можно сказать, что во многих сложившихся государствах возникает идеология политико-религиозного типа, в которой уже не допустимы отклонения от идеи непререкаемости высшей власти и в плане духовно-идеологическом. Иными словами, светская политическая власть прямо или косвенно (поддерживая какие-то партии или направления) нередко (но не везде) начинает претендовать на высший авторитет в толковании и чисто религиозных вопросов. Как недвусмысленно сформулировал это Т. Гоббс, «в христианском государстве никто, кроме суверена, не может знать, что есть и что не есть слово божье»⁶⁵. Недаром же в период реформации в XVI в. в Германии родился знаменитый принцип: «Чья земля – того и вера», – то есть население княжества должно исповедовать ту религию, какой придерживается князь. В арабском мире полити-

⁶⁴ Дьяконов, И. М. Основные черты древнего общества (реферат на материале Западной Азии). – С. 144.

⁶⁵ Гоббс, Т. – Т. 2. – Гл. XXXIX, с. 464.

ческая система включала в себя принцип теократии, то есть халиф считался наместником бога на земле, хотя, конечно, реально он вмешивался в религиозные дела нечасто и при таком вмешательстве мог порой получить отпор со стороны духовенства. В Турции султан перенял эти титул и право, что повышало его авторитет в мусульманском мире и укрепляло государственный порядок. Но в Турции (и в некоторых провинциях этой империи, как, например, в Египте) в отличие от арабских халифатов, кроме того, формируется духовное сословие улемов, которое в основной своей части включается в состав государственного аппарата⁶⁶. Другими словами, там появился и еще один важный элемент идеологической власти государства, который отсутствовал в арабских странах в средние века, но зато был силен в Европе.

Формирование новой идеологии и контроль за духовным сословием

Но прежде чем политическая идеология станет той прочной связью, которая укрепит государство, нередко сначала ее установление становится источником больших потрясений в обществе. В этом смысле, я считаю, данная сфера не является исключением среди других важных социально-политических характеристик сложившегося государства: централизация, изменение государственного устройства, складывание новой социальной структуры и нового политического порядка, – в которых, прежде чем наступит устойчивость, должны произойти глубокие изменения. Разумеется, не везде изменения идеологии носили радикальный характер. Однако такой радикализм – частое явление.

Нередко как будто бы незначительные мелочи вызывают такие страсти, что раскалывают общества, становятся важнейшими и даже судьбоносными для него, превращаются в вопросы, важные для каждого человека. Наступает ситуация в общественной жизни, когда «дуалистическая концепция мира и общества вступала в свои права, “святые” и “слуги сатаны” разделялись на два отгораживающихся друг от друга лагеря»⁶⁷. Пример, который приходит в го-

⁶⁶ См. Мейер, М. С. О соотношении светской и духовной власти в османской политической системе XVI–XVIII вв. – С. 53; Ачамба, Ф. М. Господствующий класс в социальной структуре египетского города (конец XVIII – начало XIX в.). – С. 210–211.

⁶⁷ Никольский, Н. М. Избранные произведения по истории религии. – С. 204.

лову сразу, история Европы в Новое время с реформациями, религиозными войнами и контрреформациями⁶⁸. И упорная религиозно-идейная борьба в сложившихся государствах Европы становится очень важной частью жизни общества и государственной политики⁶⁹. Например, история королей и королев Англии после Генриха VIII, проводшего реформацию, – это постоянная борьба католиков и протестантов на троне и за трон. Как политика преследования инакомыслящих, так и веротерпимость могут вызывать недовольство разных групп⁷⁰.

Однако такие крутые идеологические переломы или борьба с инакомыслием свойственны не только Европе, но и России, и другим регионам, например доисламскому Ирану, Китаю. Нередко (хотя далеко не всегда) такие переломы были связаны также с необходимостью или желанием переделить собственность духовного сословия ради укрепления государства или его служивого сословия, отсюда секуляризации весьма характерны для сложившихся государств, причем не только в Европе и России, но и на Востоке. Например, в Корею с 1402 по 1424 г. четыре раза проводилась конфискация монастырских буддистских земель и крепостных. Одновременно в 1424 г. была проведена и реформа буддийской церкви, в результате чего многочисленные буддийские секты и течения были сведены только к двум направлениям⁷¹.

Даже там, где власть вроде бы и не стремилась к радикальному изменению идеологии, сама логика событий вела к ожесточению идеологической борьбы. Так, необходимость усиления сёгунской власти в Японии в XVI–XVII в. и потребность в твердом социальном порядке вызвали гонения на христиан и привели к такому достаточно редкому явлению, как закрытие страны от иностранцев. Ведь вос-

⁶⁸ См., например: Elliott, J. H. *Europe Divided 1559–1598*; Johnston, A. *The Protestant Reformation in Europe*; Филиппов, М. М. Ян Гус. Мартин Лютер; Лозинский, С. Г. *История папства*. – Гл. 10–11.

⁶⁹ Причем эти явления активно проявляют себя уже на последнем этапе раннего государства, о чем, например, свидетельствуют некоторые злостные ереси в Европе (например альбигойство во Франции в начале XIII в.), ранние реформации (гуситское движение XV в. в Чехии например), общественная борьба в России в XV в. по поводу права церкви владеть богатством между так называемыми нестяжателями и иосифлянами и т. п.

⁷⁰ Политика веротерпимости Надир-шаха в Иране вызывала сильное недовольство шиитского большинства, подобно тому, как мусульманское духовенство выражало протест против веротерпимости Акбара в Индии. Но попытки религиозных преследований в Индии при Аурангзебе, в свою очередь, вызывали недовольство индусов, шиитов и других религиозных групп.

⁷¹ История Кореи (С древнейших времен до наших дней). – Т. 1. – С. 177.

ставшие крестьяне начали выступать под христианскими лозунгами, а христиане-европейцы готовы были поддерживать оппозицию⁷². Мало того, чтобы убедиться, что в стране не осталось христиан, правительство распорядилось об обязательной приписке каждой семьи к близлежащему буддийскому храму, куда следовало также сообщать о всех семейных событиях и перемене места жительства⁷³.

Идеология во многом зависит от той идейной базы, которой располагало общество к определенному моменту, поэтому естественно, что в каждом обществе реформы и изменения приобретают совершенно особые черты. Например, при заимствовании в результате модернизации уже чисто светского образования и науки из Европы в XVIII–XIX вв. возникали конфликты между традиционной религией и новой идеологией, что иной раз выливалось в борьбу националистов-традиционалистов с европейцами и всем европейским. Такие эпизоды характерны для истории Ирана, Египта и других стран.

Таким образом, считаю важным подчеркнуть, что в целом для многих (хотя и не для всех) **сложившихся государств, особенно на начальном этапе развития, характерны попытки государственной власти создать заново или реформировать религию (идеологию) либо внести в них какие-то важные изменения.**

Даже беглый взгляд на историю разных стран покажет правильность этой мысли. В Египте Нового царства фараон Аменхотеп IV (первая половина XIV в. до н. э.) в борьбе против жречества пытается сделать общеегипетским культом поклонение богу солнечного диска Атону. Сам он принимает новое имя – Эхнатон, что означает «полезный для Атона»⁷⁴. Таким образом, Эхнатон, по сути, пытался перейти от многобожия к единобожию⁷⁵, что было, конечно, радикальным переворотом, «самым необыкновенным событием египетской древности», по определению Перепёлкина⁷⁶. Но реформа не прижилась, что, возможно, было одной из причин стагнации египетского общества. Много позже религиозную реформу в Египте предпринял и первый греческий царь этой страны Птолемей I (конец IV в. до н. э.), который пытался создать новый государ-

⁷² Кузнецов, Ю. Д., и др. История Японии. – С. 108–109.

⁷³ Иэрхарт, Х. Байрон. Религиозные традиции Японии. – С. 523

⁷⁴ Виноградов, И. В. Новое царство в Египте и поздний Египет. – С. 377–382.

⁷⁵ См.: Коростовцев, М. А. Религия Древнего Египта. – С. 365–366.

⁷⁶ Перепёлкин, Ю. Я. Тайна золотого гроба.

ственный культ в лице бога Сараписа, почитаемого не только у египтян, но и у пришельцев – греков и македонян. Культ прижился, хотя и не вытеснил в достаточной степени старые⁷⁷. Его преемник Птолемей II развил египетские традиции и обожествил не только своих родителей после смерти, но и самого себя, а также своих супругу и сестру при жизни, создал специальные храмы, распорядился, чтобы они в качестве живых богов поминались во всех храмах, не только египетских, но и в греческих⁷⁸, что, по сути, означало введение общегосударственного нового культа (и в отличие от Эхнатона в уже не моноэтнической стране).

Китайская империя начинается борьбой с конфуцианством. Сначала на роль государственной идеологии претендовал *легизм*, который ставил во главу угла писанный закон. Причем сила и авторитет последнего должны были держаться на жесточайшей, палочной дисциплине и жестоких наказаниях, включая ответственность соседей и родственников⁷⁹. Но с падением династии Цинь и установлением династии Хань (конец III – II в. до н. э.) ситуация изменяется. При императоре У-ди (140–87 гг. до н. э.) произошла своего рода реформа конфуцианства⁸⁰, и оно стало официальной идеологией⁸¹. Китай вообще демонстрирует периодические перемены в отношении к разным религиям и идеологиям. В одни эпохи, например, власть поддерживает буддизм, жертвуя храмам земли, беря на содержание монахов и т. п., а временами борется с ним. Например, в 845 г. при императоре Уцзуне было конфисковано имущество 45 тысяч (!) буддийских храмов и кумирен, а 200 тыс. монахов и монахинь были возвращены в мирское состояние⁸². Не-

⁷⁷ Бенгтсон, Г. Правители эпохи эллинизма. – С. 41.

⁷⁸ Бенгтсон, Г. Указ. соч. – С. 147–149; Левек, П. Эллинистический мир. – С. 144–145.

⁷⁹ Васильев, Л. С. История религий Востока (религиозно-культурные традиции и общество). – С. 269; Делюсин, Л. П. Предисловие к книге «Конфуцианство в Китае. Проблемы теории и практики». – С. 8.

Беспощадной была борьба Цинь Шихуанди с конфуцианством как идеологией, которая препятствовала деспотизму и усилению гнета. Он приказывал сжигать тексты, наказывать тех, кто не делает этого. В 212 г. до н. э. свыше 460 оппозиционных конфуцианцев были заживо закопаны, а остальных сослали на охрану границ (Переломов, Л. С. Империя Цинь – первое централизованное государство в Китае. – С. 176–180).

⁸⁰ Карапетьянц, А. М. Первоначальный смысл основных конфуцианских категорий. – С. 11.

⁸¹ Думан, Л. И. Китай (до конца 18 в.). – С. 303.

⁸² Крюков, М. В., и др. Китайский этнос в средние века (VII–XIII). – С. 171–175; Конрад, Н. И. Развитие феодальных отношений в Китае (III–VIII вв.). – С. 42–43.

смотря на то, что эти преследований через несколько лет были прекращены, в Китае за это время исчез целый ряд буддийских философских школ⁸³. Но при всех идеологических колебаниях начиная с первых веков новой эры конфуцианство, так или иначе, остается официальной идеологией страны, составляющей кредо ученого чиновничества, и усиливает свое влияние. Однако идейная борьба конфуцианства с одной стороны и буддизма, даосизма и иных верований – с другой – шла постоянно⁸⁴.

В Индии в XVI–XVII вв., как уже сказано, начался процесс формирования сложившегося государства. Это выражалось и в поиске новых идеологий. Однако для Индии наличие совершенно разных религий (ислама и индуизма), с учетом того что индуизм держался на кастовой системе (антагонистичной по духу сложившемуся государству), поставило на пути настоящей интеграции индийского общества под эгидой государства огромные препятствия. Император Акбар пытался уменьшить противоречия между двумя конфессиями. Он стал насаждать при дворе новую веру, названную им «*дин-и-илахи*» (божественная вера), в которую вошли разумные, по его представлению, элементы основных религий Индии. Эта религия имела некоторое, но не слишком большое число последователей⁸⁵. В то же время оппозиция нетерпимых к императору мусульман усилилась. Поэтому он даже вынужден был принимать репрессивные меры против мусульманского духовенства⁸⁶.

⁸³ Овермайер, Д. Л. Религии Китая. – С. 428–429.

⁸⁴ См., например: Мартынов, А. С. Буддизм и конфуцианцы: Су Дун-по (1036–1101) и Чжу Си (1130–1200).

⁸⁵ Стоит отметить, что для Индии идеи «скрестить» ислам и брахманизм были не такими уж новыми (см., например: Неру, Дж. Указ. соч. – Т. 1. – С. 350–351). Вообще в Индии в XV–XVIII вв. было немало новых религиозных народных движений, которых уже не устраивал брахманизм. Из некоторых религиозных сект выросли воинствующие братства и движения. Особенно известны сикхи, сумевшие создать собственное государство в Пенджабе. Идеи маратхов, которые, по сути, наследовали Моголам, также были смесью религии и национализма (там же. – Т. 2. – С. 77). Уже в Делийском султанате в XIII–XIV вв. существовало немало сект, представлявших смешанные и переходные между исламом и индуизмом формы. Также появлялись движения, получившие широкое распространение позже, основным принципом которых было равенство людей перед богом, проповедь религиозного объединения индусов и мусульман (Ашрафян, К. З. Делийский султанат. К истории экономического строя и общественных отношений (XIII–XIV вв.). – С. 205–206).

⁸⁶ Антонова, К. А. Индия в средние века. – С. 223.

Акбар использовал не только идеологические, но и социально-финансовые меры, в частности, отменяя религиозные налоги на немусульман, открыто объявляя о своей веротерпимости, привлекая к управлению знатных индусов-раджпутов, поощряя смешанные браки и т. п.⁸⁷ Но процесс такого идеологического и религиозного синтеза не дал ожидаемых результатов, поскольку если он и был возможен, то требовал очень длительного времени и стабильной политики. А определенная неустойчивость религиозно-идеологической политики – нередкое явление в сложившихся государствах. И при внуке Акбара Аурангзебе вновь начались преследования индустов и других религий, что и было одной из причин крушения империи Моголов.

В доказательство высказанной мной идеи о связи между переходом к сложившемуся государству, с одной стороны, реформированием религии и преследованием инакомыслящих – с другой – можно привести и еще несколько фактов. В Риме происходит сначала замена гражданской республиканской идеологии на почитание императора и его власти, а затем в IV в. н. э. отказ от язычества и принятие христианства в качестве государственной религии, что обусловило затем вмешательство государства в церковные дела и жестокое преследование теперь уже язычников, которых стали карать смертной казнью⁸⁸. В Византии имели место постоянные попытки религиозных реформ и соответственно гонения на тех, кто не принимал их. Наиболее известные эпизоды – борьба с почитанием икон (*иконоборчество*). В Иране после III в. н. э. при Сасанидах зороастризм объявляется государственной религией, а храмы и жречество приобретают большие богатства и огромное влияние, в то же время оппозиционные идеологии преследуются. Подъем нового Ирана в XVI в. начался с образования так называемого Сефевидского государства, основатели которого выступили под знаменем шиизма и объявили его государственной религией. При этом шиитское духовенство узаконило свое монопольное право в сфере юрисдикции, образования, суда и нравственности⁸⁹.

⁸⁷ Неру, Дж. Указ. соч. – Т. 2. – С. 62–68.

⁸⁸ Лозинский, С. Г. История папства. – С. 29.

⁸⁹ Петрушевский, И. П. Сефевидское государство (XVI в.). Укрепление государства Сефевидов. Иран в конце XVII – первой половине XVIII в. – С. 173; Дорошенко, Е. А. Пути и формы воздействия шиитского духовенства на общественно-политическую жизнь. – С. 75.

Стоит отметить, что изменения в религии нередко бывали и в ранних государствах, где – особенно после появления мировых религий – смена веры путем принятия новой религии сначала правящей верхушкой и затем навязывания ее обществу или принудительного насаждения была весьма характерным явлением. Как правило, такая реформа делалась для того, чтобы повысить авторитет верховной власти. Но для демонстрации различий между двумя типами государств важно указать, что обычно такая радикальная смена религии в ранних государствах проходила гораздо легче, чем в сложившихся. Принятие христианства, ислама, буддизма в варварских государствах иногда и вовсе шло безболезненно (например у франков при Хлодвиге в конце V в.⁹⁰) и в целом редко вызывало очень уж упорное сопротивление, которое не удалось бы сломить. Совсем иная ситуация возникает в сложившихся государствах. Изменения, которые навязывались сверху, в сложившихся государствах, как правило, шли трудно, и бывали случаи, когда казалось бы небольшие и несерьезные перемены вызвали раскол в обществе. Их не удавалось навязать иной раз даже всей мощью государственной машины. Также и преследования инакомыслящих часто терпели поражения. Раскол русской церкви – тому ярчайший пример⁹¹. Все попытки искоренить старообрядчество в России окончились неудачей. Можно вернуться и к уже приведенным примерам. Религиозная реформа Эхнатона в Египте, несмотря на то, что он действовал «путем яростных гонений»⁹², после смерти реформатора была отвергнута, и все вернулось к прежнему⁹³. Общеизвестны длительность и упорность гонений на христиан в Риме и попытки навязать культ императора, которые привели в конечном счете к победе христианства⁹⁴. Не увенчалось победой и преследование арианцев, монофизитов и других еретиков уже ортодоксальной христианской церковью, несмотря на то, что она в этом деле ак-

⁹⁰ См., например: Мажуга, В. И. Королевская власть и церковь во Франкском государстве. – С. 48; Лебек, С. Происхождение франков. V–IX века. – С. 52–55.

⁹¹ Миллюков, П. Н. Очерки по истории русской культуры. – Т. 2. Ч. 1; Пайпс, Р. Россия при старом режиме. – С. 308–317; Шмурло, Е. Ф. Курс русской истории. – Т. 3; Карташев, А. В. Очерки по истории русской церкви. – Т. 2.

⁹² Антес, Р. Мифология в Древнем Египте. – С. 60.

⁹³ Виноградов, И. В. Новое царство в Египте и поздний Египет. – С. 378–380.

⁹⁴ Свенцицкая, И. С. Раннее христианство: страницы истории. – С. 161–175; Робертсон, А. Происхождение христианства.

тивно использовала всю мощь государства⁹⁵. Борьба с почитанием икон в Византии длилась более ста лет (VIII–IX вв.). Иконоборчество императоров в Византии можно рассматривать как попытку ограничить могущество официальной церкви и монастырей⁹⁶. Но хотя этой цели императоры в конце концов добились, однако запретить почитать иконы им не удалось⁹⁷. Совершенно бесполезной оказалась борьба мусульманина Аурангзеба с индуизмом в Индии, о чем выше уже шла речь.

10.5. Кризисы в сложившихся государствах и их эволюция

В моем представлении кризисы разного рода являются неотъемлемой частью жизни практически каждого сложившегося государства. Ниже я показываю разработанные мной идеи относительно типологии и характеристик этих кризисов в сложившихся государствах.

10.5.1. Социальные кризисы

Хотя сложившееся государство ищет оптимум в отношениях между социальными группами, однако на практике центральной власти часто не удается удержать тот верный социальный баланс, который необходим для устойчивости общества, что выражается в нарастании кризисных явлений. Нередко это происходит в результате изменений экологических и демографических пропорций, изменений технического и экономического состояния общества, столкновений с более развитыми соседями и влияниями и т. п. вещами, для которых прежняя политическая система оказывается неподготовленной.

Не все государства, которые вступили в стадию сложившегося государства, могли стать эволюционно проходными. Однако, думается, все же процент выбраковки среди них был существенно меньше, чем среди ранних. Тем не менее ряд сложившихся государств не смогли решить основные проблемы по разным причинам. Постоянный натиск врагов был тут не последним обстоятельством. Во всяком случае, в Сасанидском Иране, Риме и Византии это было важнейшей причиной. Однако, конечно, не единственной. Всегда

⁹⁵ См.: Свенцицкая, И. С. Раннее христианство: страницы истории. – С. 179–182.

⁹⁶ Удальцова, З. В. Византийская культура. – С. 83.

⁹⁷ Там же. – С. 85.

имелись и другие причины. Где-то не удалось установить тот верный социальный баланс в обществе, в частности, между государством и элитой, который и создает нужную крепость государства. Так, в Византии крупная аристократия способствовала разложению империи, поскольку непокорность земельной провинциальной знати была постоянной причиной социальной борьбы и смуты, одной из тех проблем, которые привели империю к упадку и гибели,

«несмотря на все усилия, приложенные императорами для ее разрешения»⁹⁸. Где-то государство становилось заложником своей религиозной ограниченности, как это случилось в империи Великих Моголов в Индии. Крупные ошибки в государственной политике, неспособность учесть новые реалии (прежде всего, появление государств нового типа, с новым вооружением, какими были европейские державы и Россия) являлись причиной тяжелых кризисов некоторых вступивших в стадию сложившихся государств стран, таких как Иран, например, о чем ранее шла речь.

В некоторых государствах не удавалось отладить систему передачи власти (без которой эволюция государственности сильно замедляется). В частности, в империи Великих Моголов в Индии, как только умирал император, по образному описанию Дж. Неру, «между его сыновьями завязывалась недостойная драка за престол. Начинались дворцовые интриги, войны за наследство, мятежи сыновей против отцов и братьев против братьев, убийства и ослепления родственников»⁹⁹. Не сумели наладить порядок в этом отношении также Римская и Византийская империи, в которых эта неустойчивость трона (в частности, слабые и короткие династии, передача власти преемникам, а не детям), стала их ахиллесовой пятой и в конечном счете была одной из важных причин их ослабления. Это открывало путь к всевозможным узурпациям и делало престол шатким. Многие византийские императоры правили недолго и кончали ослеплением, пострижением в монахи или гибелью от рук подсланных убийц¹⁰⁰. Проблема соперников при занятии престола

⁹⁸ Диль, Ж. Основные проблемы Византийской истории. – С. 110–111.

⁹⁹ Неру, Дж. Указ. соч. – Т. 2. – С. 69.

¹⁰⁰ Удальцова, З. В. Византийская культура. – С. 22–23; см. также: Медведев, Е. М. Очерки истории Индии до XIII века. – С. 21.

была острой и в Турции. Еще в XV в. султан Мехмед II, желая избежать борьбы за власть, издал поразительный по своей сути закон, который давал право сыну, который вступит на престол, «убить своих братьев, чтобы был порядок на земле»¹⁰¹. Но порядок не наступил, и на протяжении XVI и XVII вв. 60 принцев османской династии по воле султанов погибли насильственной смертью¹⁰².

Вполне понятно, что в сложившихся государствах имели место кризисы различных типов. О религиозно-идеологических выше уже шла речь. Весьма частыми были кризисы, связанные с нехваткой государственных ресурсов (что особенно обострялось во время войн). Нехватка монеты или продуктов, чтобы платить войскам и государственным людям, займы и бесконечные долги, расточительство и соответственно усиление налогов. То, что Малявин определяет как закон жизни китайских империй – «предельное напряжение ресурсов»¹⁰³, было весьма характерно в целом для большинства сложившихся государств. Это напряжение связано с войнами, огромным столичным и дворцовым строительством, чрезмерным ростом правящих классов, непомерным стремлением верхушки к роскоши и обогащению, что часто вело к подрыву хозяйства и денежной системы и т. п.¹⁰⁴ Это вызывало попытки решить проблему путем увеличения налоговых изъятий или введения

экстраординарных налогов либо путем конфискаций, отказов платить долги, банкротств, порчи монеты и т. п. вещей. Например, Ришелье удвоил и даже утроил налоги¹⁰⁵, а испанский король Филипп II (1555–1598), который вел неудачные войны с восставшими Нидерландами, несколько раз объявлял государственное банкротство и для восстановления кредита должен был предоставлять генуэзским, немецким и другим банкирам право сбора налогов в отдельных областях страны¹⁰⁶.

¹⁰¹ Петросян, Ю. А. Османская империя. Могущество и гибель: Исторические очерки. – С. 164.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Малявин, В. В. Гибель древней империи. – С. 76.

¹⁰⁴ Бесспорно, такие явления не были характерными только для сложившихся государств, они были нередкими и в ранних. И все же, думается, для ранних государств такие кризисы менее характерны.

¹⁰⁵ Бродель, Ф. Что такое Франция? – Кн. 2. Ч. 1. – С. 159.

¹⁰⁶ Литаврина, Э. Э. Испания в XVI – первой половине XVII в. – С. 128.

Такие кризисы, в частности, характерны для истории Китая, Японии, Испании, России, Франции, Ирана, Византии, императорского Рима, Англии и других стран¹⁰⁷.

Все это весьма часто вызывало волнения, восстания, бунты и т. п. социальные напряжения. Поэтому сложившихся государств, в которых не было бы крупных социальных волнений крестьян или горожан, мало или нет вообще. И в какие бы формы ни облекались эти бунты, движения, восстания и волнения: профессиональные, религиозные, национальные, – обычно в них легко увидеть налоговую или иную экономическую «подкладку». Естественно, что все это резко обострялось в условиях роста населения и вызванного им демографического давления с сопутствующими ему нехваткой земли, ростом арендных ставок, дороговизной продуктов в городах, обнищанием части населения. Экономическую основу также легко обнаружить и в революциях Нового времени. Не только религиозные преследования, но и чудовищные налоги вызвали массовый протест в Нидерландах в XVI в. В конечном счете именно постоянная нужда в деньгах заставляла Карла I в Англии обращаться к парламенту, и она же в итоге стала важной причиной начала революции¹⁰⁸.

Финансовый кризис в Египте в конце 1870-х годов был связан с чрезмерными займами для модернизации страны, что привело к установлению над Египтом сначала финансового, а потом и военно-политического контроля со стороны Англии. И хотя банкротство страны не редкое явление, особенность банкротства в Египте состояла в том, что деньги занимались на объективно прогрессивные и очень полезные для страны цели: строительство дорог, каналов, портов и т. п.¹⁰⁹

¹⁰⁷ См., например: Goldstone, J. East and West in the Seventeenth Century: political crises in Stuart England, Ottoman Turkey and Ming China. – P. 103–142.

¹⁰⁸ См., например: Хорошев, А. В. Карл I Стюарт и парламент. – С. 172–193; см. также: Goldstone, J. Ibid.

¹⁰⁹ Иванов, Н. А. Египет. – С. 226; al-Sayyid Marsot, A. L. A Short History of Modern Egypt. – P. 66–70; аль-Барави, Р., Улейш, М. Х. Экономическое развитие Египта в Новое время.

В чем-то такая политика активного приглашения иностранного капитала хедива Исмаила опережала свое время, она была бы более результативна и уместна во второй половине XX в., когда опасность потери независимости уже исчезла, а не XIX века, когда западные страны были рады всякому поводу для аннексии и колониальной экспансии.

Но масса волнений носила и в чистом виде протестный характер против нарушения социальной справедливости: усиления налогового и иного пресса, непомерных злоупотреблений, порчи денег, задержки жалования, нарушения тех или иных прав и прочего. Естественно, что они легче вспыхивали на фоне неурожаев, разорительных войн и других тягот. Даже в богатой и благополучной Голландии имели место неоднократные голодные бунты и антиналоговые восстания¹¹⁰. Таким образом, многие кризисы, по вышеуказанным и иным причинам, носили **социально-классовый характер или были осложнены ими.**

10.5.2. Кризис начального этапа

Как уже сказано, были разные типы кризисов. Однако сейчас я хотел бы остановиться на том, который назвал **кризисом начального этапа**, поскольку в этот период не всегда, но довольно часто возникает политический системный кризис. Причем этот кризис порой четко отражает рубеж между первым и вторым (то есть начальным и типичным) этапами сложившегося государства.

Дело в том, что на начальном этапе надломы вызывает собственно сам процесс формирования централизованного государства, поскольку механизм централизации еще не отлажен, какие-то

«обручи» в обществе еще отсутствуют. В результате поиска нужных пропорций возникает перекосяк то в сторону центробежных, то в сторону центростремительных сил, что может вести к деформациям и развалам еще не окрепшего государства. Возможен и дисбаланс между социальными слоями или острое соперничество между ними. Также в процессе борьбы за господство центра с потенциально сепаратистскими силами нередко создается система, которая полагается больше на силу, чем на иные мирные крепления. И эта уверившаяся в себе сила порой перенапрягает возможности общества. Яркими примерами являются упоминавшийся выше первый китайский император Цинь Шихуанди и Иван Грозный.

В зависимости от исторических традиций, этнической, религиозной и иной консолидации общества, особенностей его внешнего

¹¹⁰ Чистозвонов, А. Н. Нидерландская буржуазная революция. Республика Соединенных провинций в первой половине XVII в. – С. 160.

окружения, различных случайностей и прочего указанный кризис может проявляться в виде: а) децентрализации с различными осложнениями; б) смуты и гражданской войны; в) тяжелых военных поражений и полного упадка государственности, что отражает слабость последней; г) распада империи и образования более компактного и крепкого государства; д) уничтожения (или подчинения)

государства, неспособного перейти на следующий этап, внешними врагами.

Проиллюстрирую это примерами.

А) Египет Нового царства, ослабев при Рамессидях (XIX и XX династии), в конце концов распался (XI в. до н. э.), а затем в нем утвердились чужеземные династии (ливийские, эфиопские), которые, однако, также не могли прочно объединить страну. В VI в. до н. э. Египет попадает под власть персов, а спустя уже более чем два столетия там воцаряется греческая династия Птолемеев. И вот с этого времени уже можно считать, что Египет вступает во второй этап *типичного* сложившегося государства с достаточно высоким развитием товарного и денежного хозяйства, права, культуры, более развитой и всеобъемлющей системой налогов¹¹¹.

Распад Китая с конца III в. до н. э. и в первые века нашей эры происходил несколько раз и сопровождался крестьянскими и гражданскими войнами и длительными периодами соперничества государств между собой.

Япония – децентрализация и гражданская война в XVI в.¹¹²

Б) Россия в начале XVII в. не распалась на части, но пережила тяжелую смуту, интервенцию и гражданскую войну.

В) Франция в период Столетней войны демонстрирует полный упадок государственности в результате тяжелых поражений от англичан.

Г) Испания в результате неспособности подавить восстания в Нидерландах, финансовых и иных кризисов, вмешательства иностранных держав (так называемая война за испанское наследство) из конгломерата двух империй – Испанской и Священной Римской,

¹¹¹ См.: Свенцицкая, И. С. Эллинистический Египет; Бенгтсон, Г. Правители эпохи эллинизма.

¹¹² К ситуациям п. «А» особенно подходит понятие «разрушение государства» (break-down), которое использует Голдстоун (Goldstone, J. Revolution and Rebellion in the Early Modern World.).

включающего в себя также ряд других европейских территорий (Португалию, Нидерланды, Сицилию и другие итальянские провинции), постепенно становится в XVII – начале XVIII в. национальным государством.

Турция была единственной восточной империей, способной длительное время и небезуспешно соперничать с рядом европейских держав и даже их коалициями в военном отношении. Однако турецкое государство, по точному определению Кочибя Гемюрджинского, турецкого политического деятеля и писателя XVII в., «саблей добыто и саблей только может быть поддержано»¹¹³. И если для начального этапа сложившегося государства «сабля» еще могла считаться достаточной, то далее нужны были иные укрепления. А они отсутствовали или создавались медленно. Поэтому и дальнейшее развитие Турции замедлилось, военные поражения участились, децентрализация и отпадение провинций стали реальностью. На рубеже XVIII–XIX вв. Турция находилась в жесточком системном кризисе, а с ней и все ее провинции испытывали кризисные явления¹¹⁴. Конец XVIII в. – первые десятилетия XIX в. были временем больших территориальных потерь для Османской империи (Египет и ряд азиатских территорий, земли на Кавказе и Дунае, Греция и др.).

Можно считать, что кризис конца XVIII в. – первых десятилетий XIX в. и первые серьезные попытки глубокого реформирования и отделяют этап *начального* сложившегося от *типичного* сложившегося государства в Турции. Но, что характерно именно для Турции, переход к *типичному*, далее – к *переходному* сложившемуся государству и далее – к *начальному* зрелому государству (а эта трансформация шла в течение всего XIX и начала XX в.) проходил не в результате усиления империи, а, напротив, в связи с ее постоянными военными и дипломатическими поражениями, уменьшением территории, внутренними кризисами, которые заставили преобразовать военного типа государство в более светское и уменьшить влияние духовенства. Но главное, этот процесс был в прямой пропорции связан с отпадением от нее нетурецких территорий. Поэто-

¹¹³ Всемирная история: в 24 т. – Т. 14. – С. 20.

¹¹⁴ Ланда, Р. Г. История арабских стран; Губер, А. А., и др. Новая история стран Азии и Африки. – С. 74–75; Мейер, М. С. Османская империя в XVIII веке. Черты структурного кризиса; Еремеев, Д. Е., Мейер, М. С. История Турции в средние века и Новое время. – С. 188–196.

му как для самой Турции, так и для других стран в ее составе выход из кризиса и движение в сторону развития были невозможны без обретения хотя бы относительной независимости. Таким образом, есть прямая связь между сокращением территории Оттоманской Порты и ее движением к развитию государственности.

Выделившийся фактически из состава Османской империи Египет в период царствования Мухаммеда Али (1805–1849) за счет успешных войн превратился в огромное государство, включавшее в себя не менее половины всей Турецкой империи (часть Аравии, Сирию и Палестину) и еще Судан. Однако в результате давления европейских государств территория государства Мухаммеда Али была сокращена до собственно Египта и Судана. Поражение Мухаммеда Али для развития египетской государственности имело не только отрицательный, но и большой положительный эффект, так как сузило границы до собственно Египта, то есть до той национальной и исторической области, на которой лучше всего и могло развиваться современное государство. Кроме того, хотя территория государства сильно уменьшилась, но власти Мухаммеда Али «была зато гарантирована прочность, которой она до кризиса не имела»¹¹⁵.

Д) Индия в XVIII в. превращается в ряд враждующих государств, ставших легкой добычей английской Ост-Индской компании. Другим примером, когда государство уже не в состоянии было возродиться, является Римская империя. Но прежде, чем она стала окончательной добычей варваров, она разделилась на Западную и Восточную.

10.5.3. Деспотизм как явление начального этапа сложившегося государства

В начальном этапе сложившегося государства (но иногда и при переходе от начального к типичному) возможно появление монархтирана и жестокого деспота. К таким относятся, например, первые римские императоры после Октавиана (Калигула, Нерон и другие), Цинь Шихуанди в Китае, Иван Грозный в России, Людовик XI во Франции, Генрих VIII в Англии, до некоторой степени и кровавый фанатик на испанском троне Филипп II. Причины тому, помимо чисто личностных особенностей, могут быть разные. Среди них можно упомянуть следующие: эпоха требует появления нового типа государей, а

¹¹⁵ Дебидур, А. Восточный вопрос. – С. 353.

они в связи с изменившейся ситуацией часто показывают демонстративное пренебрежение к прежним традициям; на этапе начального сложившегося государства нередки резкие переломы, сопротивление знати и борьба монарха с ней. Иными словами, в этот период деспотизм выступает не только как порождение личных качеств, но и как орудие (правда, очень разрушительное) борьбы с сепаратизмом, центробежными силами и т. п. Соответственно начинаются репрессии, часто вообще необоснованные, издание сверхжестоких законов и т. п.

Например, основатель первой централизованной империи в Китае Цинь Шихуанди уже в первый год объединения страны (221 г. до н. э.) переселил 120 тыс. семей наследственной аристократии, крупного чиновничества и купцов в столицу Сяньян¹¹⁶. Помимо этого в стране царил террор, была введена крайне жестокая система наказаний. За преступление могли превратить в государственных рабов или даже казнить всех членов семьи преступника в трех поколениях, а также и членов семей, связанных между собой круговой порукой. Всех, кто высказывал недовольство, казнили со всем родом и по закону круговой поруки «соучастников» обращали в рабство. Число государственных рабов в империи стало огромным¹¹⁷.

Словом, говоря словами историка Грановского, на таком переломе эти деспоты выступают как типические лица¹¹⁸. Все они подобно Людовику XI могли бы заявить, что в их странах «не осталось головы, которая бы крепко держалась на плечах»¹¹⁹. И не случайно, например, Карамзин, сравнивая Людовика XI с Иваном Грозным, считал, что оба они были «извергами вне законов, вне правил и вероятностей рассудка»¹²⁰.

Но крайний деспотизм достаточно быстро изживает себя, поскольку он истощает страну. В конце концов (обычно со смертью диктатора) находятся меры по смягчению режима. Так или иначе, создаются способы совмещения сильной монархической власти и ограничения тирании, в частности, благодаря религии или устоявшейся государственной идеологии, как это было в Китае, Византии,

¹¹⁶ Переломов, Л. С. Империя Цинь – первое централизованное государство в Китае. – С. 154.

¹¹⁷ Степугина, Т. В. Китай во второй половине I тысячелетия до х. э. – первые века христианской эры. – С. 441.

¹¹⁸ Грановский, Т. Н. Лекции по истории средневековья. – С. 26.

¹¹⁹ Там же. – С. 27.

¹²⁰ Карамзин, Н. М. Царствование Иоанна IV. – С. 403.

даже Турции, ряде христианских стран¹²¹, а также перед угрозой заговоров и восстаний. Так, жестокий китайский деспот Ян-ди из неудачной и короткой династии Суй вызвал своими жестокостями, непомерными повинностями и неудачами в Корее восстания, в результате которых он бросил трон и был убит, а на престол взошла династия Тан (616 г. н. э.).

10.6. Некоторые особенности сложившихся государств

Поскольку каждое сложившееся государство характеризуется достаточно тесной подгонкой социальных и политических характеристик общества, отражает особенности своего социального устройства и идеологии, это ведет к появлению в каждом из таких государств неповторимых особенностей, которые можно определить как *специфическую недоразвитость в отдельных направлениях конкретного государства (общества)*. Это относится как к явлениям и характеристикам чисто политико-административного или правового плана, так и социального. Иными словами, в каждом государстве имелись свои собственные особенности, на первый взгляд, несовместимые с идеей сложившегося государства, поскольку каждая из этих черт нехарактерна для сложившихся государств как эволюционного типа в принципе. Иными словами, подобные черты более свойственны ранним государствам, некоторые из них редко встречаются даже в ранних государствах, а иногда они вообще несвойственны государству как институту. И это особенно подчеркивает специфичность конкретных сложившихся государств в некоторых их характеристиках.

Таким образом, то, что отдельным из сложившихся государств свойственны отдельные «странные» признаки, дополнительно подчеркивает высказанную мной идею о том, насколько своеобразным становится социально-политическое устройство каждого сложившегося государства из-за указанной выше подгонки государства и общества¹²². Рассмотрим это на некоторых примерах, которые, думается, вполне доказывают мой тезис о том, что почти каждому сложившемуся

¹²¹ См., например, о Византии: Удальцова, З. В. Византийская культура. – С. 24; Медведев, Е. М. Очерки истории Индии до XIII века. – С. 32; и др.

¹²² Конечно, могли быть и специфические черты, напротив, превосходящие нормальный для сложившегося государства уровень. Так, скажем, институт экзаменов для занятия должности в Китае явно превосходил такой средний уровень.

государству присущи довольно редкие или даже необычные для государства признаки.

Особенностью Российского государства было то, что оно в связи с усилением крепостничества фактически допускало *легитимное* насилие со стороны частных лиц (помещиков) над половиной своего населения (крепостных крестьян). Тем самым, многие вещи уходили из-под юрисдикции государства.

Особенностью Французского королевства было то, что правительственной политикой стала продажа государственных, особенно финансовых и судебных должностей, которые стоили больших, даже огромных денег¹²³. Поскольку во Франции очень уважали любое вложение капитала, постольку постепенно сложилась система, при которой чиновник становился владельцем своей должности. Фактически должность становится наследственной. Вообще наследование должностей даже в ранних государствах – это признак их отсталости. Однако ситуация с наследованием должностей во Франции была существенно иной, чем в ранних государствах. Во Франции фактически происходит превращение чиновничества в особое сословие, которое с начала XVII в. и даже раньше приобретает наследственные права на свою должность путем уплаты за это право особого налога. В результате эти служащие становятся на деле несменяемым сословием «людей мантии»¹²⁴. Те из чиновников, кто мог приобрести землю и дворянские титулы, становились так называемым «дворянством мантии». Людовик XIV даже регламентировал право судей на поборы с тяжущихся, были зафиксированы предельные суммы и случаи, допускающие или запрещающие взимание подобных сумм¹²⁵.

Нельзя сказать, чтобы превращение чиновничества в сословие было вовсе не известным феноменом для других сложившихся госу-

¹²³ Малов, В. Н. Жан-Батист Кольбер – реформатор XVII века (1619–1683). – С. 103. Официальная продажа гражданских и военных должностей и патентов существовала и в других европейских государствах, хотя и в меньшем, чем во Франции, масштабе. В Турции официально продавались должности кадиев (судей) [Всемирная история: в 24 т. – Т. 14. – С. 64]. Неофициальная же продажа должностей, конечно, как и вообще взятки, поборы, казнокрадство и пр., была характерна для большинства сложившихся государств, что часто отражало социальный баланс (вопреки официальному) или же являлось фактической платой за исполнение обязанностей.

¹²⁴ Гордон, Л. С. Упадок монархии. Век просвещения. – С. 290; Ле Руа Ладюри, Э. Указ. соч. – С. 349–350; Малов, В. Н. Европейский абсолютизм второй половины XVII – начала XVIII века. – С. 140–141.

¹²⁵ Гордон, Л. С., Поршнева, Б. Ф. Абсолютизм XVII века. – С. 261.

дарств. Что-то похожее мы находим и в Египте Нового царства, где профессия писца часто передавалась по наследству, хотя «передача должности писца по наследству была не юридически узаконенным явлением, а фактом, обусловленным в каждом конкретном случае семейной или социальной средой»¹²⁶. Превращение в сословие городских магистратов с прикреплением их к определенному месту произошло в императорском Риме. Есть примеры юридических или фактических сословий чиновников в других странах. В Сасанидском Иране в ряду четырех официальных сословий были и писцы-чиновники. В Китае дети чиновников обычно могли стать чиновниками. Но в двух последних случаях ситуация отличается от Франции тем, что в ней наследовалась конкретная должность, а в бюрократических странах чиновник был винтиком, который получал иную, чем у родителей, должность и которого могли послать в любое место.

Но во Франции были и такие особенности, аналогии которым вовсе трудно найти. Дело в том, что чиновник был не просто членом сословия, но владельцем должности, которую он мог продать и свободно завещать¹²⁷. Таким образом, государство как бы отдавало право назначения аппарата в руки частных лиц. Только выкупив должность, король мог сместить должностное лицо¹²⁸. А с учетом того, что и налоги были в руках откупщиков, ситуация и вовсе предстает весьма своеобразной, даже странной, тем более для самого культурного государства самого культурного континента Нового времени. Однако она вполне отвечает предложенной мной концепции сложившегося государства¹²⁹.

Япония демонстрирует ситуацию неполной централизации. Как известно, в ней вплоть до «реставрации Мэйдзи» (то есть до 60–70-х гг.

¹²⁶ Коростовцев, М. А. Писцы Древнего Египта. – С. 16; См. также о передаче должностей по наследству и продаже храмовых должностей в Египте Среднего царства: Берлев, О. Д. Трудовое население Египта эпохи Среднего царства. – С. 180.

¹²⁷ Гордон, Л. С. Упадок монархии. Век просвещения. – С. 290; Ле Руа Ладюри, Э. Указ. соч. – С. 349–350; Плешкова, С. Л. Франция в XVI – начале XVII в. – С. 228–229.

¹²⁸ Малов, В. Н. Европейский абсолютизм второй половины XVII – начала XVIII в. – С. 140–141.

¹²⁹ Некоторую, но неполную аналогию данной ситуации, конечно, можно найти. Например, в Византии в VI в. за получение любой должности приходилось платить так называемую «обычай» – плату за диплом на должность и узаконенную (!) взятку лицу, от которого зависело назначение. Чиновник, купивший за большие деньги должность в провинциальной администрации, приехав в провинцию, принимался с особым ожесточением грабить население в расчете не только окупить свои расходы, но и нажиться. Император Юстиниан объявил войну продаже должностей (Удальцова, З. В. Социально-экономическая и административная политика Юстиниана. – С. 233). В Турции правительство, не сумев побороть взяточничество, ввело в XVII в. при финансовом ведомстве нечто вроде «бухгалтерии взяток», «имевшей своей функцией учет взяток, полученных должностными лицами, с отчислением определенной доли в казну» (Всемирная история. – Т. 14. – С. 64).

ХІХ в.) при крепкой центральной власти сохранялась очень большая автономия провинций с наследованием должностей их правителями-князьями. Князья имели собственные армии (до двух тыс. человек), двор и многие другие атрибуты государственности. Сёгунское правительство должно было постоянно следить за деятельностью князей, держать их в столице на положении заложников¹³⁰. Такая ситуация гораздо более свойственна ранним государствам, чем сложившимся. Однако в Японии, где сами сёгуны дома Тогугава были фактически узурпаторами, где так и не сложился единый мощный центр власти, а многие века существовало двоевластие, а то и многовластие; при наличии идеологизированного военного сословия самураев и идеологии конфуцианства, которое освящало традиции; с учетом островного положения многих княжеств и готовности европейских держав поддержать мятежников – оказалось удобнее не доводить централизацию до логического конца. Однако объединение получилось столь прочным, что в период реставрации Мэйдзи, которую, по сути, начали именно князья (прежде всего, княжеств Тёсю и Сацура), сами князья (после обретения императором полномочия) сравнительно легко отказались от своей самостоятельности, поскольку главной их целью была всесторонняя централизация страны¹³¹. И вовсе не случайно также, что в скором времени император создал парламент.

Англия была сложившимся государством, в котором отсутствовала постоянная армия. В частности, при Тюдорах и Стюартах она сохраняла характер милиции или старинного ополчения, собираемого и экипируемого за счет свободных подданных короля в соответствии с их имущественным достатком¹³². Даже при Карле II (1660–1685) постоянная армия составляла всего 5–6 тыс. чел.¹³³ Конечно, следу-

¹³⁰ См.: Гальперин, А. Л. Эпоха позднего феодализма; Топеха, П. П. Революция 1868 г. и буржуазные преобразования. Развитие японского капитализма и «движение за свободу и народные права». Формирование японского рабочего класса; Губер, А. А., и др. Новая история стран Азии и Африки; Сабура, И. История японской культуры. – С. 142; Сырицын, И. М. Япония в XV–XVII вв. – С. 149–151; Кузнецов, Ю. Д., и др. История Японии. – С. 110–112.

¹³¹ Макаренко, В. В. Стадиальная характеристика и тенденции внутрорегионального развития японского общества накануне революции Мэйдзи. – С. 106.

¹³² Сапрыкин, Ю. М. Англия в XVI – начале XVII в. – С. 207–208; Татаринова, К. Н. Очерки по истории Англии 1640–1815 гг. – С. 31.

¹³³ Татаринова, К. Н. Указ. соч. – С. 213.

ет учитывать островное положение государства, которому требовался прежде всего флот. Однако дело не только в этом. Вовсе не случайно, что в 1689 г., то есть сразу же после так называемой славной революции 1688 г., парламент принял закон, согласно которому набор и содержание армии в мирное время без согласия парламента считались противозаконными¹³⁴.

Получается, что, хотя постоянная армия – важнейший признак более или менее сложившегося государства, однако в Англии на пороге перехода к зрелому государству ее существование ставится под вопрос. Эти ограничения были связаны с нежеланием парламента давать в руки короля такое средство, как армия, с тем чтобы он не смог быть самостоятельным и способным оказать давление на общество. И это еще раз показывает, как могут особенности социальной структуры общества преломляться в государственной системе.

Важнейшей особенностью развития Египта (с XVI в.) было отсутствие у него суверенитета, который, конечно, необходим не только для сложившегося, но и для раннего государства¹³⁵. В период царствования Мухаммеда Али, а затем его преемников Саида и Исмаила Египет превратился практически в независимое государство (хотя формально он все еще был частью Турецкой империи). Но затем в начале 1880-х годов Египет, формально оставаясь частью Турции, фактически попал под протекторат Англии, в котором и оставался до 1922 года. Таким образом, именно борьба за обретение суверенитета, за повышение возможностей египетских элиты и общества участвовать в определении своей судьбы и является главной коллизией египетской истории XIX–XX вв. Однако все же неполный суверенитет не является исключительно особенностью только Египта, но в XIX–XX вв. такое явление было характерно в той или иной степени и для ряда других стран (Иран, Турция, Китай) и доминионов Британии (той же Канады или Австралии).

Существенные архаические особенности имел государственный строй Испании, возникшей как уния двух государств; Австрии, связанной со Священной Римской империей; самой демократичной

¹³⁴ Там же. – С. 241.

¹³⁵ К слову сказать, особенностью развития Московского и других княжеств Северо-Восточной Руси в XIII–XIV вв. было отсутствие суверенитета, так как русские земли были под контролем Золотой Орды. Но все же это касалось раннего государства.

страны мира – США, где расцвело рабство, и ряда других сложившихся государств. Даже в небольших государствах мы находим неожиданные архаизмы. Так, в Саксонском курфюршестве в XVI в. отсутствовала постоянная резиденция курфюрста. И его двор, как в эпоху Карла Великого у франков, переезжал вместе с князем из одной резиденции в другую. При этом ландтаг советовал ему пребывать в каждой не больше года или даже полугода, чтобы «не исчерпать совершенно запасы зерна, не вырубить окрестные леса, не истощить пруды, не отяготить чрезмерно людей повинностями»¹³⁶.

Наконец, отметим отсутствие монополии в ряде европейских государств на действия, связанные с внешней политикой, хотя мотивы правительств вполне ясны и понятны. Так, правительства Англии, Голландии, Франции допускали, чтобы частные лица или организации вели самостоятельные внешнеполитические или военные действия (Ост-Индские и Вест-Индские компании в Англии, Голландии, Франции). В ранний период и правительства Испании и Португалии поощряли захваты конкистадоров. В этом же ряду стоит и поход Ермака в Сибирь.

Литература

Антес, Р. Мифология в Древнем Египте // Мифология древнего мира / под ред. В. А. Якобсона. – М.: Наука, Главная редакция вост. лит-ры, 1977. – С. 5–54.

Антонова, К. А. Индия в средние века // Антонова, К. А., Бонгард-Левин, Г. М., Котовский, Г. Г. История Индии. – М.: Мысль, 1979. – С. 166–244.

аль-Барави, Р., Улейш, М. Х. Экономическое развитие Египта в Новое время / пер. с араб. – М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1954.

Ацамба, Ф. М. Господствующий класс в социальной структуре египетского города (конец XVIII – начало XIX в.) // Государство в докапиталистических обществах Азии / под ред. Г. Ф. Ким, К. З. Ашрафяна. – М.: Наука, 1987. – С. 203–219.

Ацамба, Ф. М., Смилянская, И. М. Египет в процессе формирования самостоятельной государственности // История Востока: в 6 т. – М.: Изд. фирма «Вост. лит-ра», 2004. – Т. 4. Книга 1. Восток в Новое время (конец XVIII– начало XX в.). – С. 76–78.

¹³⁶ Таценко, Т. Н. Укрепление территориальной власти и развитие централизованного государственного управления в курфюршестве Саксонском во второй половине XV – первой половине XVI в. – С. 120.

Ашрафян, К. З. Делийский султанат. К истории экономического строя и общественных отношений (XIII–XIV вв.). – М.: Изд-во вост. лит-ры, 1960.

Белоусова, К. А. Египет // Новая история стран Азии и Африки. XVI–XIX века: в 3 ч. / под ред. А. М. Родригеса. – М.: Владос, 2004. – Ч. 2. – С. 126–153.

Бенгтсон, Г. Правители эпохи эллинизма. – М.: Наука, 1982.

Берлев, О. Д. Трудовое население Египта эпохи Среднего царства. – М.: Наука, 1972.

Брагина, Л. М. Экономическое развитие стран Западной Европы в раннее Новое время // История средних веков: в 2 т. – Т. 2. Раннее Новое время / под ред. С. П. Карпова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. – С. 33–53.

Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм: в 3 т. / пер. с фр. – М.: Прогресс, 1986. – Т. 3.

Бродель, Ф. Что такое Франция? – Кн. 2. Люди и вещи. Ч. 1. Численность народонаселения и ее колебания на протяжении веков / пер. с фр. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1995.

Васильев, Л. С. История религий Востока (религиозно-культурные традиции и общество). – М.: Высшая школа, 1983.

Васильев, Л. С. История Востока: в 2 т. – М.: Высшая школа, 1993. – Т. 1.

Виноградов, И. В. Новое царство в Египте и поздний Египет // История Востока: в 6 т. – Т. 1. – С. 370–432.

Винокуров, М. В. Англия // История Европы: в 8 т. – Т. 3. – С. 40–50.

Возгрин, В. Е. Генезис датского абсолютизма // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе (VI–XVII вв.) / ред. В. И. Рутенбург, И. П. Медведев. – Л.: Наука, 1990. – С. 132–176.

Всемирная история: в 24 т. – Т. 14. Эпоха Просвещения / под ред. И. А. Алябьевой, Т. Р. Джум и др. – Минск: Лит-ра, 1996.

Гальперин, А. Л. Эпоха позднего феодализма // Очерки новой истории Японии (1640–1917) / под ред. А. Л. Гальперина. – М.: Вост. лит-ра, 1958. – С. 11–157.

Гоббс, Т. Левиафан // Избр. произведения: в 2 т. – М.: Наука, 1965. – Т. 2.

Гордон, Л. С. Упадок монархии. Век просвещения // История Франции. – Т. 1 / под ред. А. З. Манфреда. – М.: Наука, 1972. – С. 285–329.

Гордон, Л. С., Поршнев, Б. Ф. Абсолютизм XVII века // История Франции. – Т. 1 / под ред. А. З. Манфреда. – М.: Наука, 1972. – С. 235–284.

Грановский, Т. Н. Лекции по истории средневековья. – М.: Наука, 1987.

Грантовский, Э. А. Возникновение и развитие феодальных отношений в Иране. Держава Сасанидов и ее социальная структура // История стран Азии и Африки в средние века. – Ч. 1 / под ред. Ф. М. Ацамбы, З. Г. Лапиной, М. С. Мейера. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. – С. 94–105.

Гринин, Л. Е. Трансформация государственной системы Египта в XIX – начале XX вв.: от развитого государства к зрелому // Египет, Ближний Восток и глобальный мир / под ред. А. П. Логунова, А. В. Коротаева и др. – С. 123–132.

Губер, А. А., Ким, Г. Ф., Хейфец, А. Н. Новая история стран Азии и Африки. – М.: Наука, 1982.

Дебидур, А. Восточный вопрос // История XIX века. – Т. 4 / под ред. Лависса и Рамбо. – М.: ОГИЗ, Гос. соц.-эконом. изд-во, 1938. – С. 338–357.

Делюсин, Л. П. Предисловие // Конфуцианство в Китае. Проблемы теории и практики / отв. ред. Л. П. Делюсин. – М.: Наука, Главная редакция вост. лит-ры, 1982. – С. 3–10.

Диль, Ж. Основные проблемы Византийской истории. – М.: Иностранная лит-ра, 1947.

Дорошенко, Е. А. Пути и формы воздействия шиитского духовенства на общественно-политическую жизнь Ирана // Ислам в истории народов Востока / под ред. И. М. Смилянкой, С. Х. Кямилаева. – М.: Наука, Главная редакция вост. лит-ры, 1981. – С. 72–85.

Думан, Л. И. Китай (до конца 18 в.) // Советская историческая энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1965. – Т. 7. – С. 295–319.

Дьяконов, И. М. Основные черты древнего общества (реферат на материале Западной Азии) // Проблемы докапиталистических обществ в странах Востока / под ред. Г. Ф. Ким. – М.: Наука, Главная редакция вост. лит-ры, 1971. – С. 127–146.

Еремеев, Д. Е., Мейер, М. С. История Турции в средние века и Новое время. – М.: Изд-во МГУ, 1992.

Иванов, Н. А. Египет // История Африки в XIX – начале XX в. / под ред. В. А. Субботина. – М.: Наука, Главная редакция вост. лит-ры, 1984. – С. 43–55, 226–238.

Иванов, Н. А. Мориски // Советская историческая энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – Т. 9. – С. 693–694.

Исламов, Т. М. Многонациональная монархия Габсбургов // Новая история стран Европы и Америки: Первый период / ред. А. В. Адо. – М.: Высшая школа, 1986. – С. 132–140.

История Востока: в 6 т. – Т. 1. Восток в древности / под ред. В. А. Яacobсона. – М.: изд. фирма «Вост. лит-ра» РАН, 2000.

История Востока: в 6 т. – Т. 4. Восток в Новое время (конец XVIII – начало XIX в.). Кн. 1, 2 / под ред. Л. Б. Алаева и др. – М.: изд. фирма «Вост. лит-ра» РАН, 2004.

История Европы: в 8 т. – Т. 3. От средневековья к Новому времени (конец XV – первая половина XVII в.) / под ред. Л. Т. Мильской, В. И. Рутенбурга. – М.: Наука, 1993.

История Китая с древнейших времен до наших дней / под ред. Л. С. Симоновской, М. Ф. Юрьева. – М.: Наука, 1974.

История Кореи (С древнейших времен до наших дней). – М., 1974. – Т. 1, 2.

История стран Азии и Африки в средние века / под ред. Ф. М. Ацамбы, З. Г. Лапиной, М. С. Мейер. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. – Ч. 2.

Иэрхарт, Х. Байрон Религиозные традиции Японии // Религиозные традиции мира / ред. Х. Байрон Иэрхарт. – М.: Крон-Пресс, 1996. – Т. 2. – С. 492–610.

Карамзин Н. М. Царствование Иоанна IV // Избранные соч.: в 2 т. – М.–Л.: Худ. лит-ра, 1964. – Т. 2. – С. 299–411.

Карапетьянц, А. М. Первоначальный смысл основных конфуцианских категорий // Конфуцианство в Китае. Проблемы теории и практики / отв. ред. Л. П. Делюсин. – М.: Наука, Главная редакция вост. лит-ры, 1982. – С. 11–35.

Карташев, А. В. Очерки по истории русской церкви. – М.: Terra, 1992. – Т. 2.

Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии: Проблема социальной мобильности / под ред. Г. Ф. Ким, К. З. Ашрафян. – М.: Наука, Главная редакция вост. лит-ры, 1986.

Колесницкий, Н. Ф. Пиренейские государства в VIII–XV вв. // История средних веков / под ред. Н. Ф. Колесницкого. – М.: Просвещение, 1980. – С. 269–278.

Колобова, К. М., Глускина, Л. М. Очерки истории Древней Греции. – Л.: Ленингр. отделение Учпедгиза, 1958.

Конрад, Н. И. Развитие феодальных отношений в Китае (III–VIII вв.) // Всемирная история. – Т. 3 / под ред. Н. А. Сидоровой – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1957. – С. 25–43.

Короستовец, М. А. Писцы Древнего Египта. – М.: Изд-во вост. лит-ры, 1962.

Коростовцев, М. А. Религия Древнего Египта. – СПб.: журнал «Нева», Летний сад, 2000.

Кошелев, В. С. Реформы 1850–1870-х годов в Египте // История Востока: в 6 т. – М.: Изд. фирма «Вост. лит-ра» РАН, 2004. – Т. 4. Кн. 1. – С. 372–374.

Крюков, М. В., Малявин, В. В., Софронов, М. В. Китайский этнос на пороге средних веков. – М.: Наука, 1979.

Крюков, М. В., Малявин, В. В., Софронов, М. В. Китайский этнос в средние века (VII–XIII). – М.: Наука, 1984.

Крюков, М. В., Малявин, В. В., Софронов, М. В. Этническая история китайцев на рубеже средневековья и Нового времени. – М.: Наука, 1987.

Крюков, М. В., Переломов, Л. С., Софронов, М. В., Чебоксаров, Н. Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. – М.: Наука, 1983.

Кузнецов, Ю. Д., Навлицкая, Г. Б., Сырицын, И. М. История Японии. – М.: Высшая школа, 1988.

Лавровский, В. М., Барг, М. А. Английская буржуазная революция XVII века. Некоторые проблемы Английской буржуазной революции 40-х годов XVII века. – М.: Изд-во социально-эконом. лит-ры, 1958.

Ланда, Р. Г. История арабских стран. – М.: Вост. ун-т, 2005.

Лапина, З. Г. Функционирование механизма традиции и проблема идеалов в политической мысли средневековья (на материалах трактата Ли Гоу, 1039 г.) // Конфуцианство в Китае. Проблемы теории и практики / отв. ред. Л. П. Делюсин. – М.: Наука, Главная редакция вост. лит-ры, 1982. – С. 88–110.

Лебек, С. Происхождение франков. V–IX века // Новая история средневековой Франции: в 2 т. / пер. с фр. – М.: Скарabei, 1993. – Т. 1.

Левек, П. Эллинистический мир / пер. с фр. – М.: Наука, 1989.

Ле Руа Ладюри, Э. История Франции. Королевская Франция. От Людовика XI до Генриха IV / пер. с фр. – М.: Международные отношения, 2004.

Литаврин, Г. Г. Как жили византийцы. – М.: Наука, 1974.

Литаврина, Э. Э. Испания в XVI – первой половине XVII в. // История средних веков: в 2 т. – Т. 2 / под ред. З. В. Удальцовой, С. П. Карпова. – М.: Высшая школа, 1991. – С. 115–138.

Лозинский, С. Г. История папства. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1986.

Луконин, В. Г. Древний и раннесредневековый Иран. – М.: Наука, 1987.

Мажуга, В. И. Королевская власть и церковь во Франкском государстве // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе (VI–XVII вв.) / под ред. В. И. Рутенбурга, И. П. Медведева. – Л.: Наука, 1990. – С. 46–70.

Макаренко, В. В. Стадиальная характеристика и тенденции внутри-регионального развития японского общества накануне революции Мэйдзи // Исторические факторы общественного воспроизводства в странах Востока / ред. Л. И. Рейснер, Б. И. Славный. – М.: Наука, Главная редакция вост. лит-ры, 1986. – С. 80–111.

Малов, В. Н. Европейский абсолютизм второй половины XVII – начала XVIII века // История Европы: в 8 т. – Т. 4. Европа Нового времени / ред. М. А. Барг. – М.: Наука, 1994. – С. 138–179.

Малов, В. Н. Жан-Батист Кольбер – реформатор XVII века (1619–1683) // Новая и новейшая история. – 2000. – № 3. – С. 97–109.

Малявин, В. В. Гибель древней империи. – М.: Наука, Главная редакция вост. лит-ры, 1983.

Мартынов, А. С. Буддизм и общество в странах Центральной и Восточной Азии // Буддизм, государство и общество / ред. Г. М. Бонгард-Левин. – М.: Наука, Главная редакция вост. лит-ры, 1982. – С. 5–15.

Мартынов, А. С. Буддизм и конфуцианцы: Су Дун-по (1036–1101) и Чжу Си (1130–1200) // Буддизм, государство и общество / ред. Г. М. Бонгард-Левин. – М.: Наука, Главная редакция вост. лит-ры, 1982. – С. 206–316.

Медведев, Е. М. Очерки истории Индии до XIII века. – М.: Наука, 1990.

Мейер, М. С. О соотношении светской и духовной власти в османской политической системе XVI–XVIII вв. // Ислам в истории народов Востока / ред. И. М. Смилянская, С. Х. Кямилев. – М.: Наука, Главная редакция вост. лит-ры, 1981. – С. 51–62.

Мейер, М. С. Османская империя в XVIII веке. Черты структурного кризиса. – М.: Наука, 1991.

Милюков, П. Н. Очерки по истории русской культуры: в 3 т. – М.: изд. группа «Прогресс-Культура», 1994. – Т. 2. Ч. 1.

Мыльников, А. С. Под властью Габсбургов // Краткая история Чехословакии. С древнейших времен до наших дней / ред. А. Х. Клеванский, В. В. Марьина, И. И. Поп. – М.: Наука, 1988. – С. 120–143.

Неру, Дж. Взгляд на всемирную историю: в 3 т. – М.: Прогресс, 1977. – Т. 1, 2.

Никифоров, В. Н. Восток и всемирная история. – М.: Наука, 1977.

Никифоров, В. Н. Форма и сущность развития в древнем обществе: специфика отдельных цивилизаций // Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии. Проблема социальной мобильности / под ред. Г. Ф. Ким, К. З. Ашрафян. – М.: Наука, 1986. – С. 16–27.

Никольский, Н. М. Избранные произведения по истории религии. – М.: Мысль, 1974.

Новосельцев, А. П. Государство Сасанидов // История Востока. – М., 1995. – Т. 2. – С. 23–34.

Овермайер, Д. Л. Религии Китая // Религиозные традиции мира: в 2 т. – Т. 2 / ред. Х. Байрон Иэрхарт. – М.: Крон-Пресс, 1996. – С. 396–491.

Пайпс, Р. Россия при старом режиме. – М.: Независимая газета, 1993.

Переломов, Л. С. Империя Цинь – первое централизованное государство в Китае. – М.: Изд-во вост. лит-ры, 1962.

Перепёлкин, Ю. Я. Тайна золотого гроба. – М.: Наука, 1968.

Петросян, Ю. А. Османская империя. Могущество и гибель: Исторические очерки. – М.: Наука, 1990.

Петросян, Ю. А. Османская империя в период ранних военно-политических реформ // История Востока: в 6 т. – М.: изд. фирма «Вост. лит-ра» РАН, 2004. – Т. 4. Кн. 1. – С. 58–67.

Петрушевский, И. П. Сефевидское государство (XVI в.). Укрепление государства Сефевидов. Иран в конце XVII – первой половине XVIII в. // История Ирана / под ред. М. С. Иванова. – М.: Изд-во МГУ, 1977. – С. 170–194.

Плешкова, С. Л. Франция в XVI – начале XVII в. // История средних веков: в 2 т. – Т. 2 / под ред. З. В. Удальцовой, С. П. Карпова. – М.: Высшая школа, 1991. – С. 225–251.

Порозовская, Б. Д. Мартин Лютер // Ян Гус. Лютер. Жан Кальвин. Торквемада. Биографические очерки. – М.: Республика, 1995. – С. 57–166.

Преображенский, А. А. Социально-экономическое развитие Русского государства (40-е годы – конец XVII в.) // История СССР. – Т. 3. Превращение России в великую державу. Народные движения / под ред. Л. Г. Бескровного. – М.: Наука, 1967. – С. 15–33.

Робертсон, А. Происхождение христианства. – М.: Иностранная литература, 1959.

Сабуро, И. История японской культуры. – М.: Прогресс, 1972.

Сапрыкин, Ю. М. Англия в XVI – начале XVII в. // История средних веков: в 2 т. – Т. 2 / под ред. З. В. Удальцовой, С. П. Карпова. – М.: Высшая школа, 1991. – С. 196–224.

Свенцицкая, И. С. Раннее христианство: страницы истории. – М.: Полит. лит-ра, 1988.

Свенцицкая, И. С. Эллинистический Египет // История древнего мира. – Т. 3. Расцвет древних обществ / под ред. И. М. Дьяконова, В. Д. Нероновой, И. С. Свенцицкой. – М.: Главная редакция вост. лит-ры, 1989. – С. 303–316.

Симоновская, Л. В., Лапина, З. Г. Китай в позднее средневековье // История стран Азии и Африки в средние века. – Ч. II / под ред. Ф. М. Ацамбы, З. Г. Лапиной, М. С. Мейера. – М.: МГУ, 1987. – С. 114–136.

Сказкин, С. Д. Франция первой половины XVI века // История Франции / под ред. А. З. Манфреда. – М.: Наука, 1972. – Т. 1. – С. 151–180.

Соучек, Л. Там, где не слышно голоса / пер. с чеш. – Прага: Гос. изд-во детской книги, 1968.

Степугина, Т. В. Китай во второй половине I тысячелетия до х. э. – первые века христианской эры // История Востока / под ред. В. А. Яковсона. – М.: изд. фирма «Вост. лит-ра», 2000. – С. 433–461.

Сырицын, И. М. Япония в XV–XVII вв. // История стран Азии и Африки в средние века. – С. 137–151.

Татарина, К. Н. Очерки по истории Англии 1640–1815 гг. – М.: Изд-во ИМО, 1958.

Таценко, Т. Н. Укрепление территориальной власти и развитие централизованного государственного управления в курфюршестве Саксонском во второй половине XV – первой половине XVI в. // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе (VI–XVII вв.) / под ред. В. И. Рутенбурга, И. П. Медведева. – Л.: Наука, 1990. – С. 106–131.

Топеха, П. П. Революция 1868 г. и буржуазные преобразования. Развитие японского капитализма и «движение за свободу и народные права». Формирование японского рабочего класса // Очерки новой истории Японии (1640–1917) / под ред. А. Л. Гальперина. – М.: Изд-во вост. лит-ры, 1958. – С. 181–312.

Удальцова, З. В. Социально-экономическая и административная политика Юстиниана // История Византии. – Т. 1 / под ред. З. В. Удальцовой. – М.: Наука, 1967. – С. 219–245.

Удальцова, З. В. Церковная политика Юстиниана. Народно-еретические движения в империи // История Византии. – Т. 1 / под ред. З. В. Удальцовой. – М.: Наука, 1967. – С. 267–281.

Удальцова, З. В. Византийская культура. – М.: Наука, 1988.

Филиппов, М. М. Ян Гус. Мартин Лютер / Ян Гус. Лютер. Жан Кальвин. Торквемада. Биографические очерки. – М.: Республика, 1995. – С. 5–56.

Фрай, Р. Наследие Ирана / пер. с англ. – М.: Наука, 1972.

Фрейдзон, В. И. Нация до национального государства. – Дубна: Феникс, 1999.

Харан-Дава, Э. Чингис-хан как полководец и его наследие // На стыке континентов и цивилизаций (из опыта образования и распада империй X–XVI вв.) / сост. И. Б. Муслимов. – М.: ИНСАН, 1996.

Хорошев, А. В. Карл I Стюарт и парламент. – Новая и новейшая история. – 2005. – № 1. – С. 172–193.

Хромов, П. А. Экономическая история СССР. Первобытное общество и феодальные способы производства в России. – М.: Высшая школа, 1988.

Чистозвонов, А. Н. Нидерландская буржуазная революция. Республика Соединенных провинций в первой половине XVII в. // История средних веков: в 2 т. – Т. 2 / под ред. З. В. Удальцовой, С. П. Карпова. – М.: Высшая школа, 1991. – С. 139–167.

Чистозвонов, А. Н. Развитие производительных сил в западноевропейских странах в XVI – первой половине XVII в. // История средних веков: в 2 т. – Т. 2 / под ред. З. В. Удальцовой, С. П. Карпова. – М.: Высшая школа, 1991. – С. 12–19.

Шермет, В. И. Османская империя и Западная Европа. Вторая треть XIX в. – М.: Наука, 1986.

Шмурло, Е. Ф. Курс русской истории: в 4 т. – СПб.: Алетей; С.-Петербург. ун-т МВД России и др., 2000. – Т. 3.

Штаерман, Е. М. Античное общество. Модернизация истории и исторические аналогии // Проблемы истории докапиталистических обществ / под ред. Л. В. Даниловой. – М.: Наука, 1968. – С. 638–671.

Ястребицкая, А. Л. Материальная культура и образ жизни в Европе на исходе средневековья // История Европы: в 8 т. – Т. 3. – С. 16–40.

al-Sayyid Marsot, A. L. A Short History of Modern Egypt. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2004.

Elliott, J. H. Europe Divided 1559–1598. – Glasgow: Fontana–Collins, 1974.

Goldstone, J. Revolution and Rebellion in the Early Modern World. Berkeley: Univ. of California Press, 1991.

Goldstone, J. East and West in the Seventeenth Century: political crises in Stuart England, Ottoman Turkey and Ming China. – Comparative Studies in Society and History. – 1988. – № 30. – P. 103–142.

Johnston, A. The Protestant Reformation in Europe. – London and New York: Longman, 1991.